

Кыргызстан

✦ ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ #КИБЕРПУТЕВОДИТЕЛЬ



ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Коллектив авторов
Кыргызстан. Это моя земля

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Кыргызстан. Это моя земля / Коллектив авторов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-0068-7748-1

Цель проекта «Кыргызстан. Это моя земля» – вовлечь местных жителей и гостей в сотворчество и популяризацию художественного образа республики: достопримечательностей, артефактов, природных объектов, традиций, маршрутов и знаменитых представителей кыргызского народа. Сборник – результат литературного конкурса и основа для экранизаций, графических новелл, видеоигр и других медиаформатов. Серия киберпутеводителей реализуется Федеральным центром гуманитарных практик РГГУ при поддержке Минобрнауки РФ.

ISBN 978-5-0068-7748-1

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Благодарность партнерам	6
Жюри литературного конкурса	7
Душа народа живет в его словесности	8
Гимн стране	9
Неразрывная связь между Москвой и Бишкеком	10
Здесь соединились образование и маркетинг	12
Ак-калпак заметен издалека	14
Там, где пахнет шафраном	16
Встреча на Ала-Тоо	23
Шестьдесят минут	30
Встреча у Вечного огня	37
Скамейка историй	42
Зеленый островок	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Кыргызстан. Это моя земля

Киберпутеводитель

Авторы: Сулейков Андрей, Могилевский Константин, Сумароков Леонид, Ткач Игорь, Морозова Марина, Сезен Александра, Федорова Ирина, Сорокина Анна, Соловьёв Пётр, Фрай Кристина, Ярунина Светлана, Николаева Елена, Каменева Ольга, Клюев Михаил, Щербаков Егор, Яковлев Юрий, Панышина Наталья, Кравченко Оксана, Сурина Светлана, Савельев Алексей, Крючкова Кира, Виноградова Ирина, Маркин Дмитрий, Ким Алина, Костюченко Роман

Продюсер Андрей Сулейков

Куратор Алексей Пишулин

Куратор Данил Путильцев

Руководитель оргкомитета Елена Наймушина

Иллюстратор Наталия Венедиктова

© Андрей Сулейков, 2025

© Константин Могилевский, 2025

© Леонид Сумароков, 2025

© Игорь Ткач, 2025

© Марина Морозова, 2025

© Александра Сезен, 2025

© Ирина Федорова, 2025

© Анна Сорокина, 2025

© Пётр Соловьёв, 2025

© Кристина Фрай, 2025

© Светлана Ярунина, 2025

© Елена Николаева, 2025

© Ольга Каменева, 2025

© Михаил Клюев, 2025

© Егор Щербаков, 2025

© Юрий Яковлев, 2025

© Наталья Панышина, 2025

© Оксана Кравченко, 2025

© Светлана Сурина, 2025

© Алексей Савельев, 2025

© Кира Крючкова, 2025

© Ирина Виноградова, 2025

© Дмитрий Маркин, 2025

© Алина Ким, 2025

© Роман Костюченко, 2025

© Наталия Венедиктова, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0068-7748-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность партнерам

Издательство «Это моя земля», жюри литературного конкурса «Кыргызстан. Это моя земля», оргкомитет киберпутеводителя выражают сердечную признательность партнерам проекта, благодаря которым состоялись конкурс легенд и создание сборника:

- Министерство науки и высшего образования РФ;
- Российское историческое общество;
- Федеральный центр гуманитарных практик;
- Российский государственный гуманитарный университет;
- Научно-исследовательский университет «Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова»;
- НИУ «Высшая школа экономики»;
- СЗИУ РАНХиГС;
- Центр историко-культурного наследия КРСУ – Кыргызско-Российского Славянского Университета;
- Президентская платформа «Россия – страна возможностей»;
- Программа «Другое дело»;
- Издательство «Литературная газета»;
- Редакция «Комсомольская правда»;
- Журнал «Мир Музея»;
- ОСИГ – Общенациональный Союз Индустрии Гостеприимства;
- Вести Туризм – информационное интернет-агентство;
- Интурмаркет – международная туристическая выставка;
- Издательство «Аппреал»;
- Brand Analytics – система мониторинга и анализа социальных медиа.

Жюри литературного конкурса

Замшев Максим Адольфович

Российский писатель, поэт и прозаик, публицист, литературный критик, переводчик с румынского и сербского языков.

Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2010). Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Главный редактор «Литературной газеты».

Койчув Бахтияр Турарович

Главный редактор общественно-политического и художественного журнала «Литературный Кыргызстан», член Национального союза писателей Кыргызстана, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Кыргызско-Российского Славянского Университета.

Могилевский Константин Ильич

Заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации, сопредседатель Российского исторического общества.

Морозова Марина Александровна

Генеральный директор АНО «Центр компетенций в сфере туризма и гостеприимства», д.э.н., профессор, завкафедрой управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса РАН-ХиГС, Санкт-Петербург.

Пищулин Алексей Юрьевич

Директор Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Главный редактор художественного иллюстрированного журнала «Мир Музея». Сценарист и режиссер телевизионных документальных фильмов.

Сулейков Андрей Владленович

Продюсер Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Автор и преподаватель курса «Конструктор городских легенд». Член Союза писателей России.

Сумароков Леонид Иванович

Директор Центра историко-культурного наследия – структурного подразделения Межгосударственной образовательной организации высшего образования Кыргызско-Российский Славянский Университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина.

Ткач Игорь Поликарпович

Заместитель руководителя департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы.

Душа народа живет в его словесности

От имени Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Российского исторического общества, с глубоким уважением к культурному наследию и литературному слову, рад представить вашему вниманию сборник работ победителей международного литературного конкурса «Кыргызстан. Это моя земля».

Душа народа живет в его словесности. В каждой строке, в каждом образе, в искреннем признании в любви к родной земле – отражается многовековая память, мудрость предков и живое дыхание настоящего. Именно поэтому так важно замечать, поддерживать и вдохновлять молодые литературные таланты – тех, кто способен не только слышать этот голос прошлого, но и передавать его на языке современности, наполняя новым смыслом.

Конкурс «Кыргызстан. Это моя земля», реализованный Федеральным центром гуманитарных практик РГГУ, стал важным шагом в укреплении гуманитарного диалога между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой. Проект открыт для всех, кто интересуется фольклором, историей, природой и культурой Кыргызстана. Такое взаимодействие – это диалог сердец, основанный на взаимном уважении и общих духовных ценностях.

Особую значимость этот проект приобретает в контексте реализуемой Министерством науки и высшего образования Российской Федерации с 2023 года программы «Обучение служением», направленной на то, чтобы образование не ограничивалось рамками аудиторий, а становилось основой для создания общественно полезных идей и продуктов. Участие студентов в интеллектуальных и творческих инициативах, подобных данному конкурсу, формирует личность, ответственную перед обществом за сохранение и приумножении культурного наследия.

Реализация проекта «Кыргызстан. Это моя земля» стала возможной благодаря слаженной работе ведущих учебных заведений: Научно-исследовательского университета «Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова», кафедры «Туризм, гостеприимство и экология им. д. э. н., проф. Ж. Т. Чубуровой», специалистов кафедры управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса СЗИУ РАНХиГС, Центра историко-культурного наследия КРСУ – Кыргызско-Российского Славянского Университета, НИУ «Высшая школа экономики» и Российского государственного гуманитарного университета. Совместные усилия позволили объединить образовательный, конкурсный и издательский этапы в единый содержательный процесс, направленный на воспитание гармонично развитой, духовно богатой и социально ответственной личности.

Представленные в сборнике произведения – это признания в любви к Кыргызстану, размышления о корнях, о природе, о будущем. Уверен, что проект «Кыргызстан. Это моя земля» найдет свое продолжение в новых форматах – от цифровых платформ до театральных постановок, от образовательных курсов до международных фестивалей. И каждый новый этап будет способствовать укреплению культурной общности наших стран, основанной на вековой дружбе, взаимопонимании и добрососедстве.

Константин Ильич Могилевский,

заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации, сопредседатель Российского исторического общества

Гимн стране

Кыргызстан – уникальная страна, где величественные вершины Тянь-Шаня хранят тысячелетнюю историю, а жемчужина Средней Азии – озеро Иссык-Куль – отражает бескрайнее небо. Это земля великого эпоса «Манас», вобравшего мудрость поколений, край, где каждое ущелье дышит легендами, а альпийские луга-джайлоо помнят кочевья предков. Здесь переплелись культуры Великого шелкового пути, оставив наследие в петроглифах Саймалуу-Таш, караван-сараях Таш-Рабата и священной горе Сулайман-Тоо.

История Кыргызстана и России переплела судьбы наших народов. В 1844 году бугинцы, испытывая притеснения от Кокандского ханства и Китая, обратились к России. Манап Боромбай Бекмуратов просил генерал-губернатора Горчакова о покровительстве. К 1848 году Ормон, Джантай и другие вожди зывали: «Постройте здесь город... чтобы все находились в тишине и спокойствии».

В 1855 году иссык-кульские киргизы приняли российское подданство. Чокан Валиханов отмечал стратегическое значение Заилийского края для мира в Средней Азии. Российские экспедиции 1856—1860 годов под руководством Хоментовского и Венюкова носили миротворческий и научный характер: защищали от набегов, проводили топографические съемки этих удивительных мест.

Невозможно переоценить научный вклад в исследования легендарного П. П. Семенова (позднее Семенова-Тян-Шанского). В 1868 году генерал Краевский заложил Нарынское укрепление, и, как докладывалось: «недоступный дотоле Тянь-Шань пробуравлен насквозь».

Россия всегда откликалась на просьбы о защите. Как писал академик Бартольд, кыргызы – древнейший народ Азии, чьи вожди мудро выбрали Россию для обеспечения мира.

Сегодня молодые авторы воспевают родную землю – от снежных пиков Победы и Хан-Тенгри до цветущих долин, от древних башен Бурана до современного Бишкека. Их произведения – гимн стране, где традиции гостеприимства священны, где юрта остается символом кочевой цивилизации, а комуз звучит в унисон с сердцем народа.

Этот сборник – свидетельство уважения к истории Кыргызстана, здесь каждая строка – признание в любви к земле Манаса!

*Леонид Иванович Сумароков,
кандидат исторических наук, директор Центра историко-культурного
наследия Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Неразрывная связь между Москвой и Бишкеком

От имени департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы выражаю искреннюю радость и глубокую благодарность всем, кто принял участие в литературном конкурсе «Кыргызстан. Это моя земля». Сборник работ победителей стал ярким свидетельством укрепления дружбы и культурного сотрудничества между Москвой и Бишкеком.

Главная цель конкурса – популяризация Кыргызской Республики как привлекательного направления для жизни, образования и туризма. Через литературные произведения участников аудитория видит удивительную природу, богатую историю, культуру и щедрое гостеприимство кыргызского народа. Конкурс провел Федеральный центр гуманитарных практик РГГУ. Департамент внешнеэкономических и международных связей г. Москвы обеспечил организационную и информационную поддержку.

Развитие отношений между Россией и Кыргызстаном характеризуется стратегическим партнерством и взаимной поддержкой. Страны разработали дорожную карту единого образовательного пространства: стандартизацию образовательных программ, создание системы взаимного зачета аттестатов и дипломов, усиление научного обмена между вузами двух государств. Эти меры открывают новые возможности для студентов, аспирантов и ученых, а также способствуют формированию единого образовательного поля СНГ.

Русскому языку в Кыргызстане придан особый статус. В 43 школах Кыргызстана уже работают 200 учителей из России, расширяются планы по открытию новых школ с обучением на русском языке. Дом русского зарубежья им. А. Солженицына передал тысячи книг во все ведущие университеты Кыргызстана. Такие инициативы существенно обогащают образовательную среду Кыргызстана и укрепляют культурные связи между странами.

Значимым шагом в консолидации российских соотечественников в Кыргызстане стала прошедшая в Бишкеке Региональная молодежная конференция российских соотечественников стран ближнего зарубежья «Создаем будущее вместе: молодежные инициативы в СНГ». Организовали конференцию Министерство иностранных дел Российской Федерации при поддержке Правительства Москвы.

В 2025 году в Бишкеке прошла конференция российских соотечественников «Россия – Киргизия: 80 лет общей Победы» с участием более 80 представителей организаций соотечественников со всех регионов Кыргызстана. В рамках конференции состоялось торжественное вручение юбилейной медали «80 лет Победы в Великой Отечественной войне» ветеранам – жительницам блокадного Ленинграда Т. В. Нестеровой и Т. Ф. Омурбековой. Лидерам организаций соотечественников были вручены награды Правительственной комиссии по делам соотечественников. Столь активный культурный, туристический, образовательный и научный обмен способствует укреплению дружбы между странами, сохранению исторической памяти, воспитанию гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций. Именно в этом состоит миссия проекта «Это моя земля». Именно поэтому Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы поддерживает серию киберпутеводителей. В 2024 году при нашей поддержке вышел сборник историй об Абхазии, в 2025 году о Кыргызстане, а на 2026 год запланирован проект в Узбекистане.

От имени департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы выражаю искреннюю благодарность всем авторам и партнерам проекта. Уверен, что истории о странах, где живут соотечественники, станут стимулом для дальнейшего развития культурного и образовательного сотрудничества между друзьями и семьями, предприятиями и учреждениями, городами и государствами!

Игорь Поликарпович Ткач,
*заместитель руководителя департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы*

Здесь соединились образование и маркетинг

Кыргызстан – страна высоких гор, чистых озер, древних маршрутов Великого шелкового пути. Здесь жители берегут традиции, память поколений, личные истории.

Перед вами – сборник работ победителей международного конкурса историй и легенд «Кыргызстан. Это моя земля». Проект родился из профессионального диалога специалистов в сфере туризма и креативных индустрий и вышел за рамки отраслевой инициативы, превратившись в пространство смыслов, эмоций и открытий.

Международный форум «Креативное гостеприимство», организованный РАНХиГС Санкт-Петербурга, состоялся в Екатерининском собрании и объединил ведущих экспертов в области туризма, культуры и креативных индустрий. В процессе подготовки форума стало очевидно: подобные встречи не должны заканчиваться обменом мнениями и презентациями. Нужен проект, который продолжит жить после мероприятия и будет работать на укрепление международного сотрудничества и продвижение туристских дестинаций в долгосрочной перспективе.

Так возникла инициатива проведения конкурса историй и легенд о Кыргызской Республике среди тех, кто хочет говорить о любимой земле. Идею поддержал Комитет по туризму Санкт-Петербурга и проректор Кыргызского экономического университета имени Мусы Рыскулбекова Тамара Юлдашева Джолдошева.

Конкурс «Кыргызстан. Это моя земля» объединил российскую и кыргызскую образовательные и профессиональные среды, открыв авторам возможность быть услышанными далеко за пределами своей страны.

Центр компетенций в сфере туризма и гостеприимства – сегодня единственный в России центр международного уровня, обладающий широкой базой высококвалифицированных отраслевых специалистов и значительным опытом международного сотрудничества Санкт-Петербурга в развитии культурно-познавательного, семейного, образовательного, научного, событийного, делового, медицинского, промышленного и многих других перспективных видов туризма. Одним из приоритетов центра является поиск инновационных решений в продвижении туристских дестинаций. Именно поэтому на нашей площадке была реализована образовательная программа «Инновационные методы продвижения туристских дестинаций», в рамках которой Андрей Сулейков провел интенсив по сторителлингу. Участники познакомились с тем, как правильно выстраивать повествование, превращать локальные сюжеты в универсально понятные истории, формировать эмоциональный образ территории, опираясь на ее уникальное культурное и природное наследие.

Здесь соединились образовательная и маркетинговая задачи, создав мощный синергетический эффект. С одной стороны, конкурс стал практическим продолжением освоенных инструментов сторителлинга. С другой – позволил собрать тексты, которые интересно читать и можно эффективно использовать в продвижении Кыргызстана как привлекательного направления международного туризма.

Работы победителей конкурса – это истории, через которые показан Кыргызстан: со своими характерными голосами, традициями, семейными преданиями, маршрутами. В них гордость за родную землю, бережное отношение к наследию, готовность делиться этим богатством с гостями.

Понятие киберпутеводитель многообещающее. Тексты победителей конкурса станут основой для фильмов, мобильных приложений, графических новелл, видеоигр о Кыргызстане. Они помогут путешественникам – как реальным, так и виртуальным – увидеть судьбы и ценности, распознать в маршруте историю и гостеприимство как часть национальной идентичности.

Уверена, что этот сборник будет одинаково интересен как профессионалам туристской отрасли и представителям креативных индустрий, так и всем, кто только планирует свое знакомство с Кыргызстаном или хочет увидеть страну по-новому. Для специалистов он может стать примером того, как сторителлинг способствует развитию въездного туризма. Для широкого круга читателей – поводом мечтать о путешествиях, искать свои маршруты по дорогам самого Кыргызстана.

Выражаю искреннюю благодарность РАНХиГС Санкт-Петербурга, Комитету по развитию туризма Санкт-Петербурга, Кыргызскому экономическому университету имени Мусы Рыскулбекова, Центру историко-культурного наследия Кыргызско-Российского Славянского Университета, авторам, экспертам, всем партнерам и участникам конкурса. Вклад каждого из вас материализовал идею креативного туризма для Кыргызской Республики.

С пожеланием вдохновенного чтения и ярких путешествий в гостеприимный Кыргызстан.

Марина Александровна Морозова,
генеральный директор АНО «Центр компетенций в сфере туризма и гостеприимства», д.э.н., профессор, завкафедрой управления в сфере туризма и гостиничного бизнеса РАНХиГС, Санкт-Петербург

Ак-калпак заметен издалека

Всмотритесь в форму ак-калпака – головного убора кыргызов. Он – воплощенная в войлоке философия духа земли. Его четыре стороны символизируют стихии: воздух, воду, огонь и землю. Кисточка на вершине – связь с немеркнущей памятью предков. Узор – это генеалогическое древо, уходящее корнями в глубь веков.

Сотканный из натурального войлока, ак-калпак – это совершенство практичности: он согревает в суровые морозы, дарит прохладу в палящий зной и отводит влагу в дождливые дни. Испокон веков он служил высшим знаком уважения – его преподносили самым почетным гостям. Сегодня белый калпак – символ высокого доверия, его преподносят руководителям, им чествуют героев.

Цвет окантовки на калпаке служит картой пути мужчины: зеленая – знак ребенка, синяя – юности, коричневая – молодежь, бежевая – для зрелых мужчин, черная – для опытных, а белоснежная – для аксакалов, старейшин и духовных лидеров.

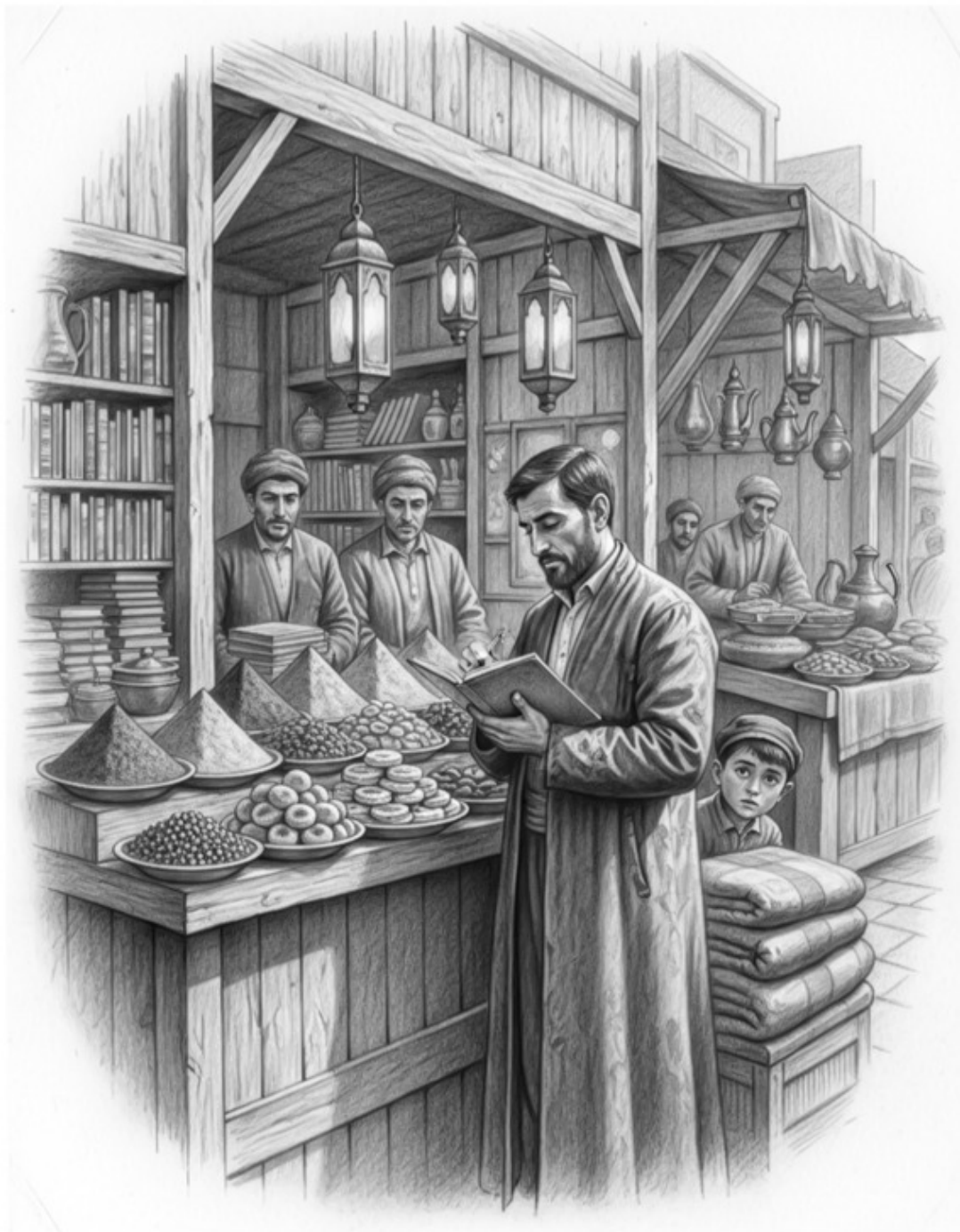
Каждый год 5 марта Кыргызстан с гордостью отмечает День национального головного убора. Почти в каждой области Кыргызстана есть остановки общественного транспорта в форме калпака. Их установили еще в советский период. Ак-калпак заметен издалека. Так же как и самобытность Кыргызстана очевидна для туристов, когда они соприкасаются с историями и преданиями страны. Именно этот дух национальной идентичности авторы уловили и воплотили в историях о Кыргызстане, присланных на литературный конкурс.

На конкурс было допущено 65 очерков и легенд, полностью соответствующих творческому заданию. Жюри выбрало 21 текст для киберпутеводителя «Кыргызстан. Это моя земля».

Первый этап проекта – сборник историй – фундамент для создания фильмов, графических новелл, видеоигр и других медиаформатов, которые воплотят дух Кыргызстана в цифровом пространстве. Цель проекта вовлечь местных жителей и приезжих в сотворчество и популяризацию художественного образа Кыргызской Республики, достопримечательностей, артефактов, гор, озер, маршрутов и, конечно, знаменитых представителей кыргызского народа.

Девиз проекта: Такое могло произойти только здесь! Добро пожаловать в мир Кыргызстана, полный захватывающих историй!

*Андрей Владленович Сулейков,
продюсер проектов «Это моя земля» и «Планета Alma Mater»
в Федеральном центре гуманитарных практик РГГУ,
автор и преподаватель курса «Конструктор легенд»,
лектор общества «Знание»*



Там, где пахнет шафраном Александра Сезен

I

Ошский базар просыпается раньше солнца. Река Ала-Арча, бегущая по краю улицы Кулиева, шумит, как древний купец, пересчитывающий монеты. Ее дыхание смешивается с запахом жареной самсы, розового масла, пыли и шафрана. Здесь утро не наступает – оно вытекает, как густой чай из медного чайника. Говорят, что этот базар невозможно закрыть.

Даже если на воротах повесить замки, запахи все равно торгуют. Корица спорит с кардамоном, а шафран перешептывается с медом, и уличные коты лениво переворачиваются под прилавками, слушая, как начинается новый день.

Старики на углу бьют по дощечкам, зазывая покупателей:

– Эй, душа моя, попробуй наш курт, свежий, как сердце пастуха!

– Подойди, свет очей моих, глянь на этот лукум – мягче, чем весенний снег в Нарыне!

А философия Соломона, как говорят, до сих пор витает в этих рядах. Ведь именно его потомки – ошане – помогли построить этот базар. И где бы ни стояла лавка, мудрость древнего царя живет в каждом торговце: торг – не спор о цене, а разговор о душе.

Каждая лавка тут – как притча.

Вот кузнец Исмаил – потомок ремесленника, что когда-то ковал упряжь для каравана из Оша. Теперь он продает кованые джезвы и литые турки, каждая из которых звенит как медь караванного колокольчика.

Дальше – лавка масел. Над входом – лампа, в которой будто живет дым времени. Хозяйка Гульбаха рассказывает: ее прадед возил масла по шелковому пути. «Люди, – говорит она, – запоминают запахи дольше, чем золото».

Еще дальше, за рядом с лукумом и орехами, – лавка сладостей Карыбаева. У него на вывеске написано: «Сладкое не ешь один». Он уверен, что предок его сушил абрикосы для тех, кто в дороге, и потому сладости – это всегда про гостеприимство.

А у самого края базара, где уже слышен шум реки и ветер несет прохладу с Ала-Арчи, стоит старая лавка книг. Пыльная вывеска, потрескавшееся стекло, запах бумаги, смешанный с мускусом и чернилами.

В этой лавке работает она – девушка с глазами цвета крепкого чая.

Она знает всех торговцев по именам и всех покупателей по их взглядам. И еще знает, что каждое утро к ней заходит один человек. Иногда берет карандаш, гладит пальцем корешки старых книг, как будто ищет не слова, а дыхание между ними.

Он – писатель. Точнее, тот, кто пока боится им быть.

II

Он приходил каждое утро – всегда в одно и то же время, когда солнце только трогало крышу над улицей Кулиева.

В воздухе стоял запах жареного теста, муската и свежей мяты. Продавцы открывали лавки, раскладывали ткани, чинили лампы, ругались и смеялись. Ошский базар начинал свой привычный день – шумный, живой, будто дышащий.

Писатель шел между рядами с видом человека, который ищет не товар, а историю.

Он записывал все: голоса, обороты речи, лица. Его тетрадь была толще любого романа – в ней жили сотни судеб.

У лавки масел воздух стоял густой, будто сам пропитан смыслами.

На полках поблескивали маленькие стеклянные бутылочки – янтарные, зеленые, прозрачные. Каждая – как мир, застывший в капле.

Женщина в цветном платке медленно протерла одну из них и сказала:

– Это лаванда. Снимает тревогу, когда голова гудит от новостей и долгов.

Она подняла другую:

– Это сандал. Он помогает тем, кто слишком много думает и не может заснуть. А вот это – роза. От сердца. Когда оно разбито, а ты хочешь, чтобы снова билось.

Писатель вдохнул – и на секунду ему показалось, будто шум базара стал тише.

– А это? – спросил он, глядя на флакон с мутно-золотой жидкостью.

– Это мирра, – сказала она. – Масло молитв и любви. Его добавляют в благовония, когда просят небеса о памяти.

Она взглянула на писателя внимательнее:

– Ты, наверное, читал «Суламифь»? Про ту, что полюбила Соломона на виноградниках?

Он кивнул.

– Там все про это, – сказала она. – Про запах, что остался, когда любовь прошла. Про каплю, которая пахнет вечностью.

Она вздохнула и добавила:

– Девушки до сих пор ищут тот аромат. Думают – вдруг и их заметит свой Соломон.

Он кивнул. Ему показалось, что он впервые понял – почему здесь, на Ошском базаре, запахи живут дольше слов.

Пока человек чувствует аромат, он все еще способен вспомнить то, ради чего живет.

Он зашел в книжную лавку у конца ряда. Там пахло старой бумагой, пылью и чаем.

Девушка за прилавком подняла голову, поправила косу.

– Опять тетрадь?

– Да. Та, что без линий.

– У тебя, наверное, их уже сотня.

– Зато в каждой – чья-то жизнь, – тихо сказал он.

Она смотрела на него чуть дольше, чем положено продавцу.

Ей нравилось, как он говорит – спокойно, будто каждое слово у него на вес золота.

– Когда-нибудь ты напишешь про всех нас, – сказала она.

– Кому это нужно? – усмехнулся он.

– Тому, кто умеет слышать базар, – ответила она.

А неподалеку, у выхода к реке Ала-Арча, стоял мальчишка.

Лицо смуглое, глаза быстрые. В руках он крутил старый медный жетон – память от деда.

Его звали Азиз, но на рынке он был просто Аладдин.

Он жил здесь почти всегда: помогал разгружать ящики, спал за лотками, ел то, что подкинут продавцы.

И воровал – редко, осторожно. Только у тех, кто выглядел довольным.

Он заметил писателя еще на подходе.

«Чистая рубашка, сумка кожаная, глаза мечтательные. Не бедный», – подумал Азиз.

Когда писатель остановился у лавки специй, Азиз шагнул ближе.

Запахи сбивали с толку – кориандр, зира, перец, гвоздика, мед. Толпа двигалась медленно, плечо к плечу.

Одним движением он поддел ремешок сумки, и та мягко скользнула вниз.

Писатель даже не почувствовал – только потом, когда запахи и шум вдруг осели в тишину, он понял: пропала не просто вещь, а все, что у него было.

Он обернулся. Толпа смеялась, торговалась, спорила. Никто ничего не видел.
Он стоял среди пряностей и металла, растерянный, как человек, потерявший имя.
– У тебя все лицо серое, – сказала девушка из книжной лавки, когда он зашел.
– Украли сумку.
– Деньги?
– Нет. Записи. Все.
Она налила ему чай, не спрашивая.
– Ошский базар, – сказала тихо, – ничего не крадет навсегда. Все, что по любви сделано, возвращается.
Он усмехнулся, не веря, но взял чашку.
А у реки Ала-Арча Азиз развязывал ремешок сумки и впервые в жизни открывал чужую тетрадь.

III

Азиз сидел у берега Ала-Арчи, где базар заканчивался ржавым забором и камышами.
Он положил сумку на колени, осторожно развязал ремешок – и впервые в жизни держал в руках не деньги, не товар, а чьи-то мысли.
Тетрадь пахла бумагой, пылью и чем-то еще – сладким, как мед с тимьяном.
На первой странице стояло: «Ошский базар. Люди, которые помнят запахи».
Он пролистнул.
Почерк аккуратный, тонкий, будто человек писал не чернилами, а дыханием.
И – имена, истории, кусочки жизнью, пропитанные ароматами.

Кузнец Исмаил

Его молот не знает отдыха.

Предки Исмаила ковали упряжь для караванов, а теперь он куёт узоры на турках и подносах.

«Медь, – говорит он, – как человек. Если ударить слишком сильно – треснет. Если слишком мягко – не зазвенит».

Азиз провел пальцем по словам и вдруг вспомнил, как сам пытался однажды что-то починить, гвоздь в доску забить – и не смог.

«Тот человек хоть знает, для чего живет», – подумал он и перевернул страницу.

Масла Гульбахи

У нее руки пахнут лавандами.

Каждая капля масла – как лекарство от какой-то человеческой боли.

Лаванда – от тревоги. Сандал – от мыслей, что не дают спать.

А мирра – от тоски, если сердце помнит любовь.

Азиз закрыл глаза – будто почувствовал, как в воздухе разлился мягкий аромат. Он впервые подумал: может, и правда – запахи умеют лечить?

Сладости Карыбаева

Он улыбается всем. Его прадед кормил караванщиков сушеными абрикосами.

Теперь он делает лукум, в котором есть все: орех, сахар и немного щедрости.

«Главное в сладостях, – говорит он, – не сахар, а чтобы человек ел не один».

Азиз усмехнулся. «Вот бы кто мне лукума дал просто так», – подумал он.
А потом понял: ведь каждый день он сам крадет еду у таких, как этот Карыбаев.

Лавка ламп

Хозяин стар, глаза у него – как стекло.

Он продает лампы, но некоторые – без цены.

«Эти не продаются, – говорит он. – Их цена – твое желание».

Иногда лампы говорят, иногда молчат, а иногда загораются сами, если человек действительно готов к переменам.

Азиз поднял голову – и вдруг заметил вдалеке, через ряды, как мигает лампа у края базара.

Он невольно улыбнулся:

– Похоже, я не первый, кто здесь ищет чудо.

Он листал страницу за страницей, и базар вокруг как будто менялся: торговцы стали людьми, шум стал музыкой, запахи – словами.

Азиз впервые почувствовал, что здесь все живое – не только вещи, но и судьбы.

Ему стало стыдно, но вместе с тем – светло.

Он встал, аккуратно сложил тетрадь и сказал вслух:

– Эту книгу должны прочитать. Не я. Люди.

И в тот же вечер, пока базар смолкал и река тихо ворчала в камнях, он пошел по улице Кулиева – к зданию старой редакции газеты «Наш Бишкек».

Он не знал, что делать. Просто шел.

Пахло шафраном и дымом, и где-то позади базар уже засыпал, оставляя в воздухе то, что нельзя украсть – человеческое тепло.

IV

Редакция газеты «Наш Бишкек» стояла чуть в стороне от базара – старая, с облупившейся вывеской и запахом типографской краски, который даже сквозь закрытые окна пробивался на улицу Кулиева.

Азиз долго стоял у двери, не решаясь войти.

На пороге сидел кот, серый, с обломанным ухом. Он посмотрел на мальчишку, мяукнул, будто сказал:

– Иди уже, нечего тянуть.

Азиз вошел.

В коридоре пахло бумагой, кофе и усталостью. За столом сидела женщина с очками на кончике носа.

– Что тебе, мальчик?

– Я... я нашел книгу. Ну, тетрадь. На базаре. Там про людей. Про нас всех. Ее надо прочитать.

Она взяла тетрадь, пролистав пара страниц – и ее взгляд стал серьезнее.

– Кто написал?

– Не знаю, – тихо ответил Азиз. – Но писал человек хороший. Это видно.

Через неделю в газете вышла статья.

На первой полосе – крупный заголовок: «Там, где пахнет шафраном. Записки неизвестного писателя».

Под заголовком – строки о людях базара, их запахах, их доброте.

Писатель не сразу узнал текст.

Он стоял у лотка с книжками, помогая покупателям, когда старик-продавец газет махнул ему рукой:

– Эй, брат, глянь, это ж ты написал!

Он замер, как будто увидел самого себя со стороны.

Пальцы дрожали, глаза бегали по строкам. Это были его слова. Только теперь они выглядели как-то по-другому – не потерянными, а живыми.

Он читал и чувствовал, как базар вокруг будто снова оживает.

– Так это вы? – услышал он знакомый голос.

Он поднял голову – перед ним стояла девушка из лавки. В руках у нее был сверток с розовой лентой.

– Это от папы, – сказала она. – Мы подумали, ты не должен просто продавать книги. Ты должен их писать.

Она передала ему подарок – новую тетрадь и старую чернильницу.

Он хотел что-то сказать, но не смог. В горле стоял ком.

Она улыбнулась, и впервые за долгое время ему показалось, что все не зря – и рукопись, и утраты, и эти странные дни среди лавок.

Вечером, когда базар стих, он сидел у лавки и пил чай с кардамоном.

Вдруг кто-то осторожно подошел.

– Эй, дядя... – тихо сказал голос.

Перед ним стоял Азиз.

– Это ты? – спросил писатель.

Мальчишка кивнул.

– Я... не хотел. Просто... тогда...

Он замолчал и протянул руку. В ладони лежала монетка.

– Это за твою тетрадь. Я теперь тоже пишу. Про людей.

Писатель усмехнулся, взял монетку и положил ее на стол.

– Оставь себе. Ты уже заплатил. Самому себе.

Они сидели молча.

Над базаром тянулся аромат лукума и пряностей. Вдалеке звенела лампа в лавке старика.

Река Ала-Арча шептала свои слова – старые как мир: все, что отдано с любовью, возвращается.

V

Говорят, Ошский базар в Бишкеке не закрывается никогда.

Ночью ворота запирают, но кто-то все равно проходит между рядами – ветер, кошка, да, может, сама память.

И если прислушаться, можно услышать, как в темноте переговариваются лавки: железо звенит медным эхом, масла шепчут в стекле, сладости дышат теплом.

Иногда продавцы рассказывают, что видели, как в старой книжной лавке загорается свет – ровный, мягкий, будто лампа сама включается.

Кто-то говорит – это писатель остался дописывать новую книгу.

Другие шепчут – это Азиз, выросший и вернувшийся, чтобы сторожить истории базара.

А может, просто лампа не хочет гаснуть, пока в мире есть слова.

Если пойти не по центральной улице, а от самой реки Ала-Арча, где пахнет водой и мокрым камышом, можно попасть в особое место – туда, где время идет мягче.

Там продают не вещи, а чудеса:

– Туфельки, которые сами ведут тебя в пляс, если сердце радостно.

– Зеркало, что отвечает честно, но только тем, кто не боится правды.
– Яблоки, от которых люди не молодеют, а просто начинают улыбаться.
– И лампы, у которых нет цены – их можно взять только за желание.
Говорят, однажды в этой части базара появилась лавка без вывески.
Внутри сидела девушка с длинной косой и тетрадью.
На ее столе лежала монетка – старая, с отполированными краями.
Рядом стояла чернильница, в которой все еще пахло миррой.
Она улыбалась каждому вошедшему и спрашивала:
– Что вы ищете?

И никто не знал, что ответить. Потому что здесь, на Ошском базаре, каждый ищет одно и находит другое.

Одни – утраченные деньги.

Другие – забытый запах.

А кто-то – любовь, которую не успел сказать вовремя.

Река шумит все так же.

На улице Кулиева по утрам пахнет самсой, медом и пылью.

И если пройти через весь базар, остановиться, вдохнуть глубоко – можно уловить едва заметную ноту шафрана.

Это значит, что базар жив.

А где пахнет шафраном – там еще помнят, как пахнет любовь.

Справка об объекте

**Ошский базар,
Кыргызская Республика, г. Бишкек,
ул. Кулиева, 260/2**

Ошский базар считается одним из крупнейших в Средней Азии, а потому найти здесь можно практически все, начиная от продуктов повседневного потребления, заканчивая национальными нарядами, сувенирной продукцией и бесчисленными восточными лакомствами. Последние пользуются особым спросом: орехи, сухофрукты, мучной десерт тан-мошо, конфеты кунжут-кант, печенье чоймо тооч, медово-ореховая смесь, именуемая жансаком, и многое другое.

Источник: <https://sxodim.com/bishkek/article/nastoyashchiy-vostochnyy-kolorit-gid-po-oshskomu-bazaru>



Встреча на Ала-Тоо

Ирина Федорова

Автобус остановился на конечной, и Айбек, потянувшись, поднялся с сиденья. Шесть часов дороги из Таласа в Бишкек вымотали его, но предвкушение новых фотографий для проекта придавало сил. Он закинул потертый рюкзак на плечо и, прижимая к груди чехол с фотоаппаратом, вышел на шумную привокзальную площадь.

Столица встретила его гулом машин и людским потоком. Айбек достал телефон и набрал номер Тимура.

– Я на автовокзале, – сказал он, когда друг ответил.

– Отлично! Лови такси до улицы Токтогула, я тебя у подъезда встречу, – голос Тимура звучал бодро, несмотря на ранний час.

Через полчаса Айбек уже обнимался с другом детства у подъезда пятиэтажки в центре города. Они не виделись почти два года, с тех пор как Тимур переехал в столицу работать программистом в IT-компани.

– Ну, показывай свою берлогу, – улыбнулся Айбек, разглядывая друга. Тимур изменился – модная стрижка, дорогие часы, уверенный взгляд человека, нашедшего свое место.

Квартира Тимура оказалась небольшой, но стильной. Минимализм, техника последних моделей, на стенах – абстрактные картины.

– Располагайся, – Тимур указал на диван. – Чай, кофе?

– Лучше воды. И расскажи, как ты тут устроился.

Пока Тимур рассказывал о работе и жизни в Бишкеке, Айбек разглядывал квартиру. Ни одной национальной детали – ни шырдака, ни комуза на стене, ничего, что напоминало бы о корнях.

– А ты все со своим фотоаппаратом не расстаешься, – заметил Тимур, кивнув на чехол. – Что снимать будешь?

– Хочу сделать серию о настоящем Кыргызстане, – Айбек бережно погладил чехол. – О традициях, о людях, которые их хранят.

Тимур хмыкнул:

– Настоящем? То есть о чабанах и юртах? Это прошлый век, брат. Настоящий Кыргызстан – это мы, новое поколение.

Айбек промолчал, но внутри что-то кольнуло. Он достал фотоаппарат и начал проверять настройки.

– Завтра хочу начать с площади Ала-Тоо, – сказал он, меняя тему. – Говорят, там каждый час меняется почетный караул у флага. Должно получиться символично.

– Как знаешь, – пожал плечами Тимур. – Только не забудь, что кроме памятников там еще и люди есть. Живые.

Утро выдалось ясным. Айбек вышел из дома Тимура раньше хозяина – тот еще спал после вчерашних посиделок с друзьями, затянувшихся до полуночи. Фотограф решил не терять времени и отправился на площадь Ала-Тоо, чтобы поймать мягкий утренний свет.

Площадь встретила его прохладой и немногочисленными прохожими. Двое солдат почетного караула стояли неподвижно у флагштока, словно изваяния. Айбек сделал несколько кадров, меняя ракурс и выстраивая композицию так, чтобы поймать величественный Ала-Тоо на заднем плане.

Он так увлекся съемкой, что не заметил девушку, которая оказалась в кадре, когда он фотографировал смену караула. Она стояла чуть в стороне, наблюдая за церемонией с каким-то особым вниманием.

– Вы всегда фотографируете людей без разрешения? – раздался рядом с ним звонкий голос.

Айбек обернулся. Перед ним стояла та самая девушка – невысокая, с короткой стрижкой и внимательными карими глазами.

– Простите, я снимал караул, – смутился Айбек. – Вы случайно попали в кадр.

– Случайно? – она скептически подняла бровь. – А потом эти фотографии окажутся в каком-нибудь туристическом буклете как иллюстрация «типичной кыргызской девушки, наблюдающей за национальными традициями»?

Айбек растерялся:

– Нет, это для личного проекта... Я могу удалить фотографии, где вы есть.

Девушка внимательно посмотрела на него, на его потертый рюкзак и профессиональную камеру.

– Вы не местный, да? – спросила она уже мягче.

– Из Таласа. Меня зовут Айбек, я фотограф.

– Гульнара, – представилась она. – Я историк. Точнее, пока только учусь.

Она подошла ближе и заглянула в экран фотоаппарата:

– Можно посмотреть, что вы снимаете?

Айбек показал ей последние кадры. Гульнара задержалась на фотографии, где солдаты почетного караула были сняты на фоне Исторического музея.

– Интересный ракурс, – заметила она. – Но вы упускаете самое главное.

– Что именно? – заинтересовался Айбек.

– То, как площадь живет. Смотрите, – она указала на пожилую женщину, кормившую голубей, на школьников, спешащих через площадь, на уличного музыканта, настраивающего комуз у памятника Манасу. – Ала-Тоо – это не просто архитектурный ансамбль. Это место, где пересекаются судьбы.

Айбек посмотрел на площадь новым взглядом. Действительно, он был так сосредоточен на монументальности, что не замечал жизнь вокруг.

– Вы часто здесь бываете? – спросил он.

– Каждый день, – кивнула Гульнара. – Изучаю, как меняется городское пространство и люди в нем. Это тема моей дипломной работы.

Следующие три дня Айбек встречался с Гульнарой на площади Ала-Тоо. Она приходила после занятий в университете, и они вместе бродили по центру Бишкека. Гульнара показывала ему детали, которые обычный турист никогда бы не заметил: старые советские барельефы, скрытые за современными вывесками, места, где раньше стояли другие памятники, незаметные архитектурные элементы с национальными мотивами.

– Видишь этот узор? – она указала на орнамент, украшавший основание монумента Дружбы народов. – Он повторяет традиционный узор с шырдаков, но в модернизированном виде. Советские архитекторы умели соединять эпохи.

Айбек делал снимки, но теперь его объектив все чаще ловил не только памятники, но и людей вокруг них – студентов, сидящих на ступенях Исторического музея, пожилых мужчин, играющих в шахматы в тени деревьев, молодежь, снимающую видео для социальных сетей на фоне памятника Манасу.

Вечером он возвращался в квартиру Тимура и просматривал отснятый материал. Друг обычно приходил поздно, но в этот раз вернулся раньше обычного и застал Айбека за работой.

– Как продвигается твой проект о «настоящем Кыргызстане»? – спросил Тимур, заглядывая через плечо друга в экран ноутбука.

– Иначе, чем я планировал, – признался Айбек. – Познакомился с девушкой-историком, она показывает мне город по-новому.

– Девушкой? – Тимур присвистнул. – Так вот почему ты возвращаешься такой вдохновенный.

– Дело не в этом, – нахмурился Айбек. – Она помогает мне увидеть, как традиции живут в современности.

Тимур покачал головой:

– Ты все еще цепляешься за прошлое, брат. Посмотри на эти фотографии – памятники, музеи... Это все законсервированная история. А настоящая жизнь – она в новых кварталах, в бизнес-центрах, в IT-хабах.

– Но без корней нет будущего, – возразил Айбек.

– Корни должны питать дерево, а не тянуть его обратно в землю, – парировал Тимур. – Завтра у меня выходной. Давай я покажу тебе другой Бишкек – тот, который строит будущее, а не оглядывается назад.

На следующий день Тимур повел друга по современным районам столицы. Они посетили коворкинги, модные кафе, новый торговый центр. Айбек делал снимки, но чувствовал, что в них чего-то не хватает.

Вечером, когда они вернулись на площадь Ала-Тоо, там шли приготовления к празднику. Рабочие устанавливали сцену, развешивали гирлянды.

– Завтра День независимости, – пояснил Тимур. – Будет концерт и салют.

Айбек заметил Гульнару, стоящую у памятника Манасу. Она помахала ему рукой.

– Это она? – спросил Тимур, проследив за взглядом друга.

– Да, – кивнул Айбек. – Познакомишься?

Тимур пожал плечами:

– Почему бы и нет.

Они подошли к девушке. После знакомства разговор неожиданно перешел в спор о том, как должен развиваться Кыргызстан.

– Мы не можем вечно жить прошлым, – горячился Тимур. – Нужно смотреть вперед, интегрироваться в глобальный мир.

– А я и не говорю о консервации прошлого, – возражала Гульнара. – Но нельзя строить будущее, отрицая свою историю. Посмотрите на эту площадь – здесь есть и советское наследие, и символы независимости, и древний эпос. И все это вместе – наш Кыргызстан.

Айбек молча фотографировал площадь в закатных лучах, думая о том, что оба его спутника по-своему правы.

День независимости выдался по-летнему жарким. Площадь Ала-Тоо с раннего утра заполнялась людьми. Айбек пришел за час до начала официальных мероприятий, чтобы занять удобную позицию для съемки. Он бродил среди празднично одетых горожан, ловя в объектив яркие моменты: детей с национальными флажками, девушек в современных интерпретациях традиционных нарядов, уличных музыкантов, играющих на комузах.

Тимур обещал подойти позже – у него была важная видеоконференция с зарубежными партнерами, которую нельзя было отменить даже в праздник. Гульнару Айбек пока не видел, но они договорились встретиться у памятника Манасу.

Когда началась официальная часть, Айбек снимал торжественную смену караула, выступления официальных лиц, концертные номера. Но его внимание все больше привлекали не сами

выступления, а реакция людей вокруг. Он заметил, как пожилой мужчина в традиционном калпаке украдкой вытирал слезу во время исполнения гимна, как молодая пара, держась за руки, с гордостью смотрела на развевающийся флаг, как маленький мальчик с восторгом наблюдал за солдатами почетного караула, явно представляя себя на их месте.

– Нашел что-то интересное? – раздался за спиной знакомый голос.

Айбек обернулся. Гульнара была в легком летнем платье с элементами национальной вышивки, но в современном стиле.

– Смотри, – он показал ей последние снимки на экране фотоаппарата. – Я начал понимать, о чем ты говорила. Площадь действительно живет своей жизнью.

Они отошли в сторону от главной сцены, где выступал фольклорный ансамбль. Айбек продолжал снимать, теперь уже более осознанно выбирая ракурсы и моменты.

– Знаешь, – сказал он, опуская камеру, – когда я ехал сюда, то думал, что буду фотографировать традиционный Кыргызстан. Искал что-то аутентичное, нетронутое временем. А теперь понимаю, что настоящая аутентичность – в том, как прошлое живет в настоящем.

В этот момент к ним подошел Тимур, элегантный в своем деловом костюме.

– Извините за опоздание, – он пожал руку Айбеку и кивнул Гульнаре. – Что я пропустил?

– Мы просто наблюдаем, – ответила Гульнара. – Айбек делает потрясающие снимки.

Тимур взглянул на экран фотоаппарата и удивленно поднял брови:

– Это совсем не то, что ты обычно снимаешь.

На фотографии была запечатлена группа молодых людей в футболках с национальными узорами, которые делали селфи на фоне памятника Манасу. Рядом с ними стоял пожилой мужчина в традиционной одежде, с улыбкой наблюдая за молодежью.

В этот момент на площади начался флешмоб – десятки людей разных возрастов синхронно исполняли танец, сочетавший элементы традиционных кыргызских движений с современной хореографией. Айбек не мог оторвать взгляд от этого зрелища.

– Вот оно, – прошептал он, поднимая камеру. – Вот настоящий Кыргызстан.

Он сделал серию снимков, чувствуя, как внутри него что-то меняется. Площадь Ала-Тоо предстала перед ним не просто как архитектурный ансамбль или историческое место, а как живой организм, пульсирующее сердце города, где прошлое и настоящее сплетались в единое целое.

Когда стемнело и начался праздничный салют, Айбек, Гульнара и Тимур стояли рядом, задрав головы к небу, расцвеченному яркими вспышками. В отблесках фейерверка Айбек заметил, как по-разному, но одинаково искренне светились лица его спутников – Гульнары, хранительницы истории, и Тимура, устремленного в будущее. И вдруг он понял, что оба они – часть одной истории, как и все люди на этой площади.

Прошла неделя после праздника. Айбек сидел в небольшой кофейне недалеко от площади Ала-Тоо и просматривал отобранные фотографии на ноутбуке. За эти дни он успел побывать во многих уголках Бишкека, но снова и снова возвращался к снимкам, сделанным на центральной площади.

Колокольчик над дверью звякнул, и в кофейню вошла Гульнара. Она помахала Айбеку и, заказав чай, присоединилась к нему за столиком.

– Как продвигается твой проект? – спросила она, устраиваясь напротив.

– Почти закончил, – Айбек развернул ноутбук экраном к ней. – Хочу показать тебе финальную подборку.

Гульнара внимательно просматривала фотографии. На них была площадь Ала-Тоо в разное время суток, при разном освещении, но главными героями всех снимков были люди – обычные горожане и туристы, старики и дети, традиционные музыканты и современная молодежь с гаджетами.

– Это... совсем не то, что ты планировал изначально, верно? – тихо спросила она, дойдя до последнего снимка.

– Верно, – кивнул Айбек. – Я ехал сюда за другим. Хотел найти и запечатлеть какой-то идеальный образ традиционного Кыргызстана. А нашел нечто большее.

Он показал ей еще несколько фотографий – те, что сделал в других частях города вместе с Тимуром: современные бизнес-центры, где работали молодые кыргызы, новые жилые кварталы, модные заведения.

– Я понял, что настоящий Кыргызстан – это не только юрты и национальные костюмы, но и вот это все, – он обвел рукой экран. – И главное – люди, которые создают свою историю прямо сейчас.

Гульнара улыбнулась:

– Знаешь, в моей дипломной работе есть глава о том, как городские пространства формируют идентичность. Было бы здорово использовать твои фотографии как иллюстрации.

– С удовольствием, – кивнул Айбек. – А у меня есть идея получше. Давай сделаем совместную выставку? Твои исследования и мои фотографии. Покажем, как прошлое и настоящее сосуществуют в одном пространстве.

В этот момент дверь кофейни снова открылась и вошел Тимур. Он был не один – с ним пришли еще несколько молодых людей.

– Вот вы где! – воскликнул он, подходя к их столику. – Знакомьтесь, это мои коллеги из IT-компании. Они заинтересовались твоим проектом, Айбек.

Один из парней, высокий и худощавый, протянул руку:

– Мы разрабатываем приложение-путеводитель по Кыргызстану и ищем необычный визуальный контент. Тимур показал нам несколько твоих снимков – это именно то, что нам нужно.

Айбек удивленно посмотрел на друга:

– Ты показывал им мои фотографии?

Тимур смущенно улыбнулся:

– Прости, что без спроса. Но когда я увидел, что у тебя получилось... Это действительно круто, брат. Ты смог показать и традиции, и современность, и главное – связь между ними.

Они проговорили до вечера, обсуждая возможные проекты. Когда стемнело, Айбек предложил всем вместе пройтись до площади Ала-Тоо.

Вечерняя площадь была подсвечена разноцветными огнями. У памятника Манасу играл уличный музыкант, вокруг него собралась небольшая толпа. Где-то в стороне молодежь танцевала под современную музыку. Солдаты почетного караула все так же стояли у флага, сменяясь каждый час.

Айбек достал фотоаппарат и сделал еще один снимок – панораму всей площади с высоты небольшого возвышения. На этой фотографии уместилось все: и монументальная архитектура советской эпохи, и символы независимости, и люди разных поколений, каждый со своей историей.

– Знаешь, – сказал Тимур, глядя на экран фотоаппарата, – я, кажется, начинаю понимать, что ты хотел сказать своими снимками.

Гульнара, стоявшая рядом, тихо добавила:

– Площадь Ала-Тоо – как сам Кыргызстан в миниатюре. Здесь есть место для всех эпох и всех людей.

Айбек молча кивнул, убирая фотоаппарат в чехол. Завтра он возвращался в Талас, но теперь он знал, что скоро вернется в Бишкек – с новыми идеями и новым пониманием своей страны.

Справка об объекте

Площадь Ала-Тоо, Кыргызская Республика, г. Бишкек

Сердце Бишкека – это его центральная площадь Ала-Тоо, расположенная рядом с Дубовым парком. Архитектурный ансамбль площади относится к советскому периоду, а его центральной частью является здание Исторического музея. Главный памятник Ала-Тоо посвящен Манасу – герою национального эпоса, отвоевавшего у захватчиков исконные кыргызские земли – горный хребет Ала-Тоо. Рядом расположился монумент Дружбы народов, установленный в 1974 году: тогда исполнилось ровно 100 лет с момента вхождения Кыргызстана в состав России. Также нельзя не упомянуть главный государственный флаг, развевающийся на флагштоке высотой 45 метров. Подле него стоят два солдата почетного караула, сменяющиеся каждый час. Традиционно на площади Ала-Тоо проходят праздничные мероприятия, концерты и военные парады.

Источник: <https://www.tourister.ru/world/asia/kyrgyzstan/city/bishkek/squares/27449>



Шестьдесят минут

Анна Сорокина

Марат поставил штатив на брусчатку и в третий раз перенастроил фокус. Башня с курантами никак не хотела помещаться в кадр целиком – приходилось отходить все дальше, а это значило, что в объектив попадали случайные прохожие, торговцы сувенирами и туристы с селфи-палками.

– Черт, – пробормотал он, вытирая пот со лба. Бишкекское солнце палило нещадно, напоминая, что десять лет в прохладном Берлине не прошли даром для его когда-то привычной к жаре кожи.

Куранты пробили одиннадцать, и над площадью разлилась знакомая с детства мелодия. Марат замер, опустив камеру. Эти звуки он узнал бы из тысячи – сколько раз в юности он назначал здесь встречи, сверял часы, просто сидел на скамейке, наблюдая за городской суетой.

Десять лет. Целая жизнь. Он уехал начинающим оператором с мечтой о большом кино, а вернулся режиссером-документалистом с европейским образованием и парой наград на фестивалях категории В. Теперь продюсер из Франции заинтересовался его идеей фильма о постсоветских городах, и Марат решил начать с родного Бишкека.

– Извините, вы мне вид загораживаете, – раздался за спиной женский голос.

Марат обернулся. Молодая девушка в выцветших джинсах и футболке с абстрактным принтом сидела за небольшим складным мольбертом. Рядом на земле лежал открытый альбом с набросками башни с разных ракурсов.

– Простите, – Марат сдвинулся в сторону. – Вы художница?

– Нет, я космонавт, просто в отпуске, – девушка улыбнулась, смягчая сарказм. – Да, рисую портреты туристов. Хотите? Пятсот сомов, и вы на фоне курантов, как Хемингуэй в Париже.

– Я не турист, – почему-то эта мысль задела его. – Я здесь родился.

– А выглядите как турист, – она окинула взглядом его модные очки, европейскую одежду и дорогую камеру. – Впрочем, сейчас все так выглядят. Местные от приезжих отличаются только тем, что не фотографируют куранты каждые пять минут.

Марат хотел возразить, но в этот момент заметил, что действительно уже минут двадцать пытается найти идеальный ракурс для съемки башни.

– Я Марат, – он протянул руку. – Снимаю документальный фильм о городе.

– Камила, – она пожала его руку, и он заметил пятна краски на ее пальцах. – И что, эти куранты будут главной звездой твоего фильма?

– Одной из, – кивнул Марат. – Символ города все-таки.

– Символ... – задумчиво протянула Камила. – А ты знаешь, что самое интересное в этой башне?

– И что же?

– Не сама башня, а то, что происходит вокруг нее каждый час, когда звучит мелодия.

Марат заинтересованно посмотрел на Камилу:

– Что ты имеешь в виду?

– Понаблюдай, – она кивнула на площадь. – Каждый час, когда звучит мелодия, здесь происходит маленький спектакль. Люди поднимают головы, сверяют часы, кто-то улыбается, кто-то хмурится, опаздывая на встречу. Некоторые специально приходят к началу часа, чтобы услышать мелодию.

Марат оглянулся. Действительно, после того как отзвучали куранты, он заметил, как несколько человек посмотрели на часы, кто-то сделал фото, пожилая пара на скамейке синхронно улыбнулась.

– У меня есть идея, – внезапно сказала Камила, захлопывая альбом. – Ты хочешь снять фильм о городе? Давай проведем здесь целый день. Двенадцать часов, двенадцать мелодий, двенадцать историй.

– В смысле? – Марат нахмурился.

– В прямом. Останемся здесь до вечера. Будем наблюдать, как меняется жизнь вокруг башни с каждым новым часом. Утром тут одни люди, днем другие, вечером третьи. Разные истории, разные судьбы, а башня – как стрелка часов, вокруг которой все вращается.

Марат задумался. Идея была неожиданной, но в ней что-то было. Он планировал снимать разные локации города, но предложение Камилы могло дать интересный ракурс.

– А ты разве не должна работать? – спросил он, кивнув на мольберт.

– Сегодня не мой день, – пожалала плечами Камила. – Я здесь просто делала наброски для себя. Могу и отложить.

Марат колебался. С одной стороны, он привык работать один, по четкому плану. С другой – было в этой идее что-то свежее, неожиданное. И потом, кто лучше местной художницы покажет ему город, который он когда-то знал, но который наверняка изменился за десять лет его отсутствия?

– Хорошо, – решил он. – Давай попробуем. Только мне нужно будет иногда отходить, снимать детали, общие планы.

– Без проблем, – Камила быстро собрала свои вещи. – Я буду твоим гидом по человеческой стороне курантов.

– Человеческой стороне?

– Ну да. Ты смотришь на башню как на архитектурный объект, символ. А я вижу, как она влияет на людей, как становится частью их историй.

Куранты пробили полдень, и над площадью снова разлилась мелодия. Марат поднял камеру и начал снимать: туристов, делающих селфи; офисных работников, спешащих на обед; уличных торговцев, предлагающих сувениры с изображением башни.

– Смотри, – Камила указала на пожилого мужчину, который стоял, запрокинув голову, и слушал мелодию с закрытыми глазами. – Он приходит сюда каждый день к полудню. Я не знаю его историю, но что-то его связывает с этим местом и этим временем.

Марат навел камеру на мужчину, поймав в кадр его морщинистое лицо, озаренное каким-то внутренним светом. И вдруг понял, что Камила права – за каждым человеком на этой площади стояла своя история, связанная с башней и мелодичным звоном ее часов.

– Ладно, – сказал он, опуская камеру. – Давай попробуем твой эксперимент. Двенадцать часов, двенадцать историй.

К двум часам дня солнце стояло в зените и Марат с Камиллой укрылись в тени раскидистого дерева недалеко от башни. Они успели пообедать в небольшом кафе поблизости и теперь наблюдали за площадью, делая заметки и снимая особенно интересные моменты.

– Смотри, – Камила указала на группу школьников, которые высыпали на площадь под руководством учительницы. – Экскурсия. Сейчас будет стандартный рассказ о том, когда построили башню и какой архитектор ее спроектировал.

Марат навел камеру на детей. Они стояли полукругом, некоторые внимательно слушали, другие украдкой проверяли телефоны или шептались.

– Я тоже был на такой экскурсии, – сказал он, не отрываясь от видеокамеры. – Классе в третьем. Помню, меня больше всего интересовало, можно ли забраться наверх.

– И что, забрался? – с интересом спросила Камила.

– Нет, конечно. Там же закрыто для посетителей.

– А жаль. Говорят, вид оттуда потрясающий.

Куранты пробили два часа, и национальная мелодия разлилась над площадью. Школьники подняли головы, несколько человек достали телефоны, чтобы записать звук.

– Видишь? – Камила улыбнулась. – Каждый час – маленькое событие. Для кого-то напоминание о встрече, для кого-то – просто красивая мелодия, а для кого-то – часть воспоминаний.

Марат кивнул, продолжая снимать. Он заметил, как пожилая женщина на скамейке достала из сумки таблетки, явно сверяя время приема лекарств с курантами.

– Интересно, – пробормотал он. – Башня как точка отсчета для разных жизней.

К трем часам площадь заполнилась офисными работниками – кто-то спешил по делам, кто-то просто вышел прогуляться в обеденный перерыв. Марат снимал их лица, походки, взаимодействия.

– Ты всегда так наблюдаешь за людьми? – спросил он Камилу, которая делала быстрые наброски в своем альбоме.

– Профессиональная привычка, – она пожала плечами. – Когда рисуешь портреты, учишься замечать детали. Как человек держит голову, как улыбается, как хмурится.

– И что ты видишь в них? – Марат кивнул на проходящих мимо людей.

– Истории, – просто ответила она. – У каждого своя. Вон тот парень, – она указала на молодого человека, нервно поглядывающего на часы, – явно ждет кого-то важного. Первое свидание, может быть.

Марат перевел камеру на указанного парня. Действительно, он выглядел взволнованным, постоянно поправлял волосы и одергивал рубашку.

– А вон та женщина, – продолжала Камила, – приходит сюда каждую среду примерно в это время. Всегда одна, всегда садится на одну и ту же скамейку.

– Откуда ты знаешь?

– Я же говорю – наблюдаю. Когда рисуешь на одном месте несколько месяцев, начинаешь замечать закономерности.

К четырем часам погода начала меняться. Набежали тучи, подул ветер. Люди на площади ускорили шаг, некоторые раскрыли зонты.

– Может, стоит найти укрытие? – предложил Марат, глядя на небо.

– Еще нет, – покачала головой Камила. – Смотри, как меняется атмосфера. Только что все было ярким и солнечным, а теперь – драматичным и напряженным. Отличный контраст для твоего фильма.

Куранты пробили четыре, и мелодия прозвучала особенно пронзительно в притихшем перед дождем воздухе. Марат поймал в кадр, как капли дождя начали падать на брусчатку площади, как люди ускорили шаг, как молодой человек, все еще ждущий свою пару, раскрыл большой зонт, готовясь встретить не только свою спутницу, но и непогоду.

– Знаешь, – сказал Марат, не отрываясь от камеры, – кажется, я начинаю понимать, что ты имела в виду.

К одиннадцати вечера площадь преобразилась. Подсветка окрасила башню с курантами в мягкие золотистые тона, а брусчатка, еще влажная после дневного дождя, отражала огни фонарей и витрин. Марат и Камила, уставшие, но воодушевленные, сидели на скамейке, просматривая отснятый материал.

День выдался насыщенным. Они наблюдали, как менялась жизнь вокруг башни: утренняя суэта сменилась деловым ритмом дня, затем вечерними прогулками и, наконец, ночной романтикой. Каждый час куранты отбивали время, и каждый раз мелодия звучала по-новому – то бодро и призывно в утренние часы, то задумчиво в сумерках.

– Посмотри этот кадр, – Марат показал Камиле экран камеры. На видео пожилая пара танцевала под мелодию курантов, пробивших семь вечера. Мужчина неуклюже, но с нежностью вел свою спутницу, а она улыбалась, прикрыв глаза.

– Они приходят каждую среду, – тихо сказала Камила. – Я видела их и раньше. Кажется, это их традиция – танцевать под куранты.

– А тот парень, который ждал свидания? Она так и не пришла?

– Пришла, – улыбнулась Камила. – Ты снимал в другую сторону и пропустил. Они ушли вместе, держась за руки, под одним зонтом.

Марат покачал головой:

– Столько историй за один день. И все они пересекаются здесь, у этой башни.

– Именно, – кивнула Камила. – Для кого-то это просто часы, для кого-то – место встречи, а для кого-то – часть личной истории.

Куранты начали отбивать одиннадцать, и Марат поднял камеру, чтобы снять последнюю мелодию дня. Площадь уже опустела, лишь несколько влюбленных пар и поздних прохожих неспешно двигались в свете фонарей.

Внезапно Камила схватила его за руку:

– У меня идея. Пойдем!

– Куда? – удивился Марат, но Камила уже тянула его к служебному входу башни.

– Мой дядя работает в городской администрации, – объяснила она, доставая телефон. – Он может устроить нам экскурсию наверх. Я давно хотела попасть туда, но все не было подходящего повода.

– Прямо сейчас? – Марат не верил своим ушам. – Но уже поздно, наверняка все закрыто.

– Доверься мне, – подмигнула Камила, набирая номер.

Через двадцать минут они уже поднимались по узкой винтовой лестнице внутри башни. Их сопровождал немногословный охранник, которому дядя Камилы дал специальные указания.

– Только недолго, – буркнул он, отпирая дверь на смотровую площадку. – У меня обход через полчаса.

Они вышли на небольшой балкон, опоясывающий верхнюю часть башни, и Марат затаил дыхание. Бишкек раскинулся перед ними сверкающим ковром огней, уходящих к горизонту, где темной громадой высились горы.

– Невероятно, – прошептал он, доставая камеру.

– Подожди, – Камила положила руку на его запястье. – Сначала просто посмотри. Без камеры.

Марат послушался. Они стояли молча, глядя на ночной город. Где-то внизу продолжалась жизнь – люди спешили домой, встречались, расставались, мечтали, планировали. А здесь, наверху, время словно остановилось.

– Знаешь, – наконец сказал Марат, – когда я уезжал отсюда десять лет назад, я думал, что оставляю прошлое позади. Что буду снимать фильмы о великих городах мира, о глобальных проблемах. А сейчас стою здесь и понимаю, что все эти годы искал истории, которые были прямо у меня под носом.

Механизм курантов за стеной начал движение, готовясь отбить полночь. Они чувствовали легкую вибрацию под ногами.

– Двенадцать часов, двенадцать историй, – улыбнулась Камила. – Как думаешь, получится фильм?

– Уже получился, – кивнул Марат. – Но не такой, как я планировал. Лучше.

Куранты пробили полночь, и национальная мелодия, усиленная высотой, разлилась над спящим городом. В этот момент Марат понял, что его фильм будет не о том, как изменился Бишкек за годы его отсутствия, а о том, что остается неизменным, несмотря на все перемены.

О людях, чьи жизни, подобно стрелкам часов, движутся по своим орбитам, иногда пересекаясь в таких местах, как эта башня.

Он поднял камеру и начал снимать: огни города, силуэт гор на горизонте и отражение Камилы в стекле смотровой площадки – девушки, которая за один день показала ему его родной город так, как он никогда его не видел.

Год спустя Марат стоял в фойе кинотеатра «Ала-Тоо», нервно поправляя галстук. Через пятнадцать минут должен был начаться премьерный показ его фильма «Шестьдесят минут» – документальной ленты о башне с курантами и людях, чьи жизни пересекаются у ее подножия.

После той ночи на смотровой площадке Марат полностью пересмотрел концепцию своего проекта. Вместо обзора достопримечательностей Бишкека он создал двенадцать коротких новелл – по одной на каждый час, проведенный у Башни. Каждая история рассказывала о разных людях: влюбленных, назначающих свидания у курантов; пожилой паре, танцующей под вечернюю мелодию; уличной художнице, рисующей портреты туристов; школьниках на экскурсии; офисных работниках, сверяющих часы.

Французский продюсер сначала скептически отнесся к изменению концепции, но, увидев первые материалы, загорелся идеей. Фильм был отобран для участия в программе независимого кино на фестивале в Роттердаме и получил специальный приз жюри.

– Нервничаешь? – Камила подошла к нему, элегантно в простом черном платье. За этот год они много работали вместе – она помогала с организацией съемок, находила героев, консультировала по вопросам местной специфики. Их отношения балансировали на грани дружбы и чего-то большего, но оба не спешили давать этому определение.

– Немного, – признался Марат. – Одно дело – показывать фильм на международном фестивале незнакомым людям, и совсем другое – здесь, дома, где каждый зритель может сказать: «Нет, это не мой Бишкек».

– Это и не должен быть «их» Бишкек, – улыбнулась Камила. – Это твой взгляд, твое возвращение. И знаешь что? Многие из героев твоего фильма сегодня в зале.

Марат удивленно посмотрел на нее:

– Серьезно? Ты их пригласила?

– Конечно. Пожилая пара, которая танцует под куранты; тот парень, который ждал свидание под дождем – они теперь, кстати, женаты; даже охранник, который пустил нас на смотровую площадку. Все они часть этой истории.

Двери в зал открылись, и публика начала заполнять кинотеатр. Марат заметил среди гостей известных деятелей культуры, журналистов, представителей городской администрации.

– Пора, – шепнула Камила, легонько подталкивая его к сцене.

Марат поднялся на небольшой подиум перед экраном. Зал постепенно затих.

– Добрый вечер, – начал он, оглядывая лица зрителей. – Когда я вернулся в Бишкек год назад после десяти лет отсутствия, я думал, что буду снимать фильм о том, как изменился город. Но благодаря одному случайному знакомству, – он улыбнулся Камиле, стоявшей в стороне, – я понял, что хочу рассказать о том, что остается неизменным. О месте, которое для многих из нас является точкой отсчета – во времени и в пространстве.

Свет в зале погас, и на экране появились первые кадры: раннее утро, пустая площадь, башня с курантами в лучах восходящего солнца. Затем – первые прохожие, спешащие на работу, сверяющие часы с курантами.

Марат тихо сел рядом с Камилей. Она взяла его за руку и шепнула:

– Знаешь, что самое удивительное? Мы провели у башни всего один день, а сняли истории, которые охватывают целые жизни.

– Потому что время – странная штука, – так же тихо ответил он. – Иногда один день может рассказать больше, чем годы.

На экране куранты пробили полдень и над площадью разлилась знакомая мелодия. Марат почувствовал, как что-то сжалось в груди – не от грусти, а от осознания, что он наконец вернулся домой. Не в географическом смысле – он жил в Бишкеке уже год, – а в каком-то более глубоком, личном.

Когда фильм закончился финальными кадрами с высоты башни, в зале на несколько секунд повисла тишина, а затем раздались аплодисменты. Люди вставали с мест, некоторые украдкой вытирали глаза.

После показа, когда основная часть гостей разошлась, Марат и Камила вышли на улицу. Было почти полночь.

– Пройдемся до башни? – предложила Камила. – Для полноты круга.

Они неспешно шли по ночному городу, и Марат думал о том, как странно устроена жизнь. Он объехал полмира в поисках историй, которые стоило рассказать, а самая важная ждала его здесь, в городе, где каждый час куранты отбивают не просто время, а ритм человеческих судеб.

Башня встретила их привычным величием. Минутная стрелка приближалась к двенадцати.

– Загадаешь желание? – спросила Камила, глядя на часы.

– Уже нет необходимости, – улыбнулся Марат. – Кажется, все, чего я хотел, уже сбылось.

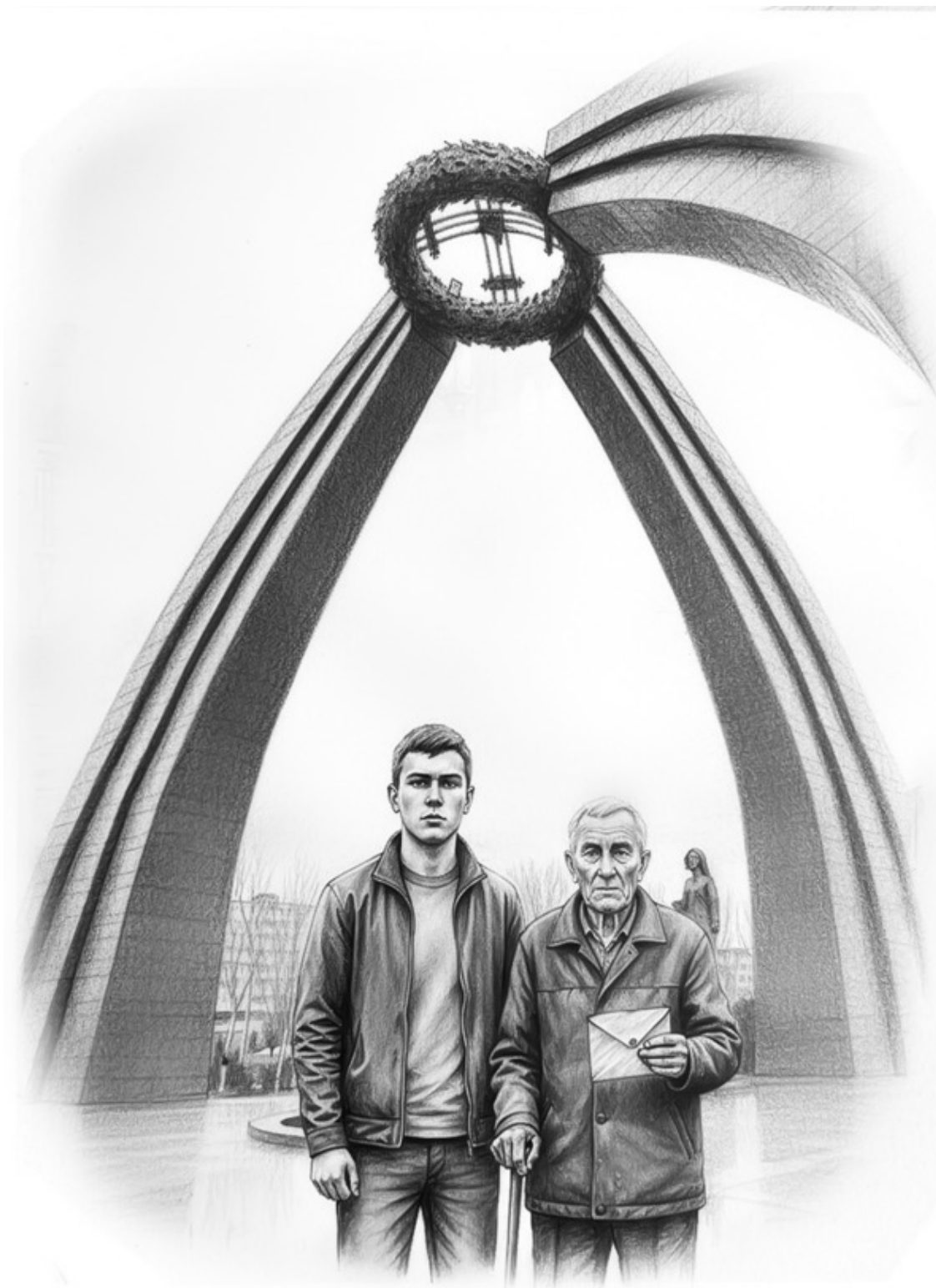
Куранты пробили полночь, и национальная мелодия разлилась над спящим городом, соединяя прошлое и настоящее, истории и судьбы, время и пространство.

Справка об объекте

**Башня с курантами,
Кыргызская Республика, г. Бишкек,
Чуйский пр., 96**

Вот уже более 60 лет бишкекцы приходят к башне с курантами, дабы сверить часы. Башня, возведенная в советскую эпоху, сегодня считается одним из главных символов кыргызской столицы и часто изображается на открытках, магнитах и различной сувенирной продукции. Часы, если не считать ремонтов, бесперебойно работают с момента своего запуска. О наступлении нового часа куранты оповещают жителей города звучанием национальной кыргызской мелодии, что придает им особого шарма и колорита. Старожилы рассказывают, что с вершины башни открываются прекрасные виды на Бишкек, но проход туда, увы, закрыт.

Источник: https://dzen.ru/a/ZHc_L-aa2VwhIm1I



Встреча у Вечного огня

Петр Соловьев

Аскар Джумабаевич поправил галстук и взглянул на часы. Без четверти девять. Он всегда приходил на площадь Победы раньше основной толпы – так было спокойнее. Семьдесят пять лет прошло, а он до сих пор не любил шума.

Утренний Бишкек встречал его прохладой и тишиной. Старый учитель неторопливо шел по аллее, опираясь на трость. Ноги уже не те, что раньше, но пропустить Девятое Мая он не мог себе позволить.

Площадь была почти пуста. Только дворники заканчивали свою работу, да пара полицейских негромко переговаривалась у входа. Аскар Джумабаевич кивнул им и направился к центру площади, где возвышался арочный мемориал с Вечным огнем.

– Здравствуй, отец, – тихо произнес он, останавливаясь у огня.

Ответом ему было лишь легкое колебание пламени. Аскар никогда не видел своего отца – тот ушел на фронт, когда мать была беременна. Не вернулся. Затерялся где-то под Курском, оставив после себя только фамилию и несколько выцветших фотокарточек.

Аскар достал из внутреннего кармана пиджака потертый конверт. В нем хранилось единственное письмо отца с фронта. Он не перечитывал его – знал наизусть. Просто держал в руках, словно через пожелтевшую бумагу мог почувствовать тепло отцовских рук.

Скульптура женщины-матери смотрела вдаль, туда, где для нее навсегда остался 1941 год. Аскар понимал этот взгляд. Его мать так же смотрела в окно каждый вечер, даже когда ему, Аскару, было уже за пятьдесят.

Он сел на скамейку напротив мемориала. Отсюда открывался вид на всю площадь. Скоро здесь будет не протолкнуться – придут ветераны с орденами, школьники с цветами, чиновники с речами. А пока можно посидеть в тишине, слушая, как город постепенно просыпается.

Сорок лет преподавания истории в школе, и каждый год – этот ритуал. Коллеги давно перестали удивляться его настойчивому желанию проводить уроки о войне. «Зачем детям эти старые раны?» – спрашивали они. Аскар не спорил. Просто продолжал приходить сюда и рассказывать своим ученикам не о датах и сражениях, а о людях.

Солнце поднималось выше, площадь постепенно заполнялась людьми. Аскар Джумабаевич наблюдал за происходящим с привычной внимательностью учителя. Семьи с детьми, пожилые пары, школьники в парадной форме – все они двигались в своем ритме, создавая пеструю картину праздника.

Внезапно его внимание привлек молодой человек, который явно выбивался из общего настроения. Парень лет двадцати в джинсах и простой футболке стоял у края площади, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он то доставал телефон, то снова прятал его в карман, словно не решаясь что-то сделать.

Аскар невольно улыбнулся. За годы работы в школе он научился распознавать это выражение лица – так выглядят студенты, которые не подготовились к занятию и теперь лихорадочно придумывают оправдание.

Парень медленно двинулся к центру площади, останавливаясь перед каждой стелой с именами погибших. Он что-то записывал в телефон, хмурился, снова шел дальше. Когда он приблизился к Вечному огню, то замер в нерешительности, словно не зная, что делать дальше.

– Не знаете, здесь есть какой-нибудь указатель с информацией о мемориале? – неожиданно обратился он к Аскару.

– Нет, молодой человек, – ответил старик, разглядывая незнакомца. – А что именно вас интересует?

– Да так... – парень замялся. – Мне нужно написать эссе о войне. Преподаватель задал. Я думал, здесь будут какие-нибудь таблички с фактами.

Аскар Джумабаевич хмыкнул.

– Факты можно и в интернете найти. Зачем было приходить сюда?

Парень пожал плечами.

– Не знаю. Подумал, может, здесь что-то... почувствую, что ли.

В его голосе звучала искренняя растерянность. Аскар внимательно посмотрел на молодого человека. Не насмешка, не равнодушие – просто непонимание.

– Как тебя зовут? – спросил Аскар.

– Эмиль.

– А меня Аскар Джумабаевич. Я здесь каждый год бываю. Могу рассказать про площадь, если хочешь.

Эмиль с облегчением кивнул.

– Давай пройдемся, – предложил Аскар Джумабаевич, поднимаясь со скамейки. – Так легче разговаривать.

Эмиль опять кивнул, подстраиваясь под неторопливый шаг старика. Они двинулись по периметру площади, мимо стел с высеченными именами.

– Вы историк? – спросил Эмиль, заметив, как уверенно ориентируется в пространстве его новый знакомый.

– Учитель истории. Был им сорок лет, – Аскар слегка постукивал тростью по брусчатке. – А ты на кого учишься?

– На юриста. Но у нас есть курс по истории права, вот преподаватель и задал это эссе. Сказал, что без понимания прошлого нельзя строить будущее, – Эмиль произнес последнюю фразу с легкой иронией. – Только я не понимаю, как писать о войне, если я ее не видел.

Аскар остановился у одной из стел.

– Я тоже не видел. Родился в сорок втором.

– Но вы же... – Эмиль замялся.

– Ближе к ней? – Аскар усмехнулся. – Может быть. Мой отец не вернулся с фронта. Где-то здесь должно быть его имя, – он обвел рукой площадь. – Джумабаев Талгат. Каждый год ищу, но столько имен...

Они продолжили путь. Эмиль украдкой разглядывал старого учителя, пытаясь представить его маленьким мальчиком без отца.

– А ваша мама? – спросил он.

– Мама прожила долгую жизнь. Девяносто два года. Всю жизнь работала в больнице. И всю жизнь ждала.

– Ждала? – не понял Эмиль.

– Отца. Официальное извещение пришло – «пропал без вести». А она не верила. Говорила: «Вернется». Даже когда я уже сам стал отцом, она все равно каждый вечер смотрела на дорогу.

Они подошли к скульптуре женщины-матери. Аскар замолчал, разглядывая каменное лицо.

– Знаешь, что самое странное? – наконец произнес он. – Я никогда не видел отца, но всю жизнь скучал по нему. Как можно скучать по человеку, которого не знал?

Эмиль не ответил. Он смотрел на пожилую пару, которая медленно шла вдоль стел. Женщина опиралась на руку мужчины, и они о чем-то тихо говорили.

– У вас есть фотографии отца? – спросил Эмиль.

– Три. На одной он совсем молодой, еще до встречи с мамой. На второй – их свадьба. А на третьей – уже в военной форме, перед отправкой.

– Можно посмотреть?

Аскар покачал головой.

– Не ношу с собой. Они дома, в альбоме. Знаешь, что забавно? Я прожил дольше, чем мой отец. Он погиб в двадцать семь. А я вот до семидесяти восьми дотянул.

Они сделали круг и вернулись к Вечному огню. Вокруг становилось все многолюднее.

– Вы каждый год сюда приходите? – спросил Эмиль.

– Каждый. Сначала с мамой, потом один, потом с учениками. Теперь снова один.

Они остановились перед скульптурой женщины-матери. Ее взгляд, устремленный вдаль, казалось, проникал сквозь время и пространство.

– Смотри, – Аскар Джумабаевич указал тростью на лицо скульптуры. – Видишь, какое выражение? Не горе, не отчаяние. Ожидание.

Эмиль всмотрелся в каменные черты.

– Да, будто она знает что-то, чего не знают другие.

– Моя мать была такой же, – тихо произнес Аскар. – Когда я был маленьким, она часто сажала меня у окна и говорила: «Смотри внимательно, вдруг папа идет». Я смотрел до рези в глазах. Иногда мне казалось, что я вижу его – высокого человека в шинели, который медленно идет по нашей улице.

Старик замолчал, погрузившись в воспоминания. Эмиль не решался нарушить тишину.

– Однажды, – продолжил Аскар, – я был уже подростком, лет четырнадцати. Мы с друзьями играли в футбол, и я разбил коленку. Пришел домой весь в крови и грязи. Мать увидела меня в дверях и вдруг побледнела. «Талгат», – прошептала она. В тот момент я как две капли воды был похож на отца с той довоенной фотографии.

Вокруг них сгущалась толпа. Начиналась официальная часть церемонии. Где-то заиграл оркестр.

– Знаете, – неожиданно сказал Эмиль, – моя бабушка тоже всегда ждала. Только не с войны. Ее муж, мой дед, уехал на заработки в Россию в девяностые и пропал. Ни писем, ни звонков. Бабушка до самой смерти выходила встречать автобусы из России. Я тогда не понимал, смеялся даже...

Он осекся, словно сам удивившись своим словам.

Аскар внимательно посмотрел на парня.

– Что ты чувствуешь сейчас, глядя на этот мемориал?

Эмиль нахмурился, подбирая слова.

– Не знаю... Раньше для меня война была просто параграфом в учебнике. Даты, сражения, количество погибших – просто цифры. А сейчас я смотрю на эти имена и понимаю, что за каждым – чья-то мать, которая ждала. Чей-то ребенок, который вырос без отца.

Внезапно громкоговорители ожили, объявляя минуту молчания. Площадь замерла. Эмиль увидел, как Аскар Джумабаевич выпрямился, словно сбросив груз лет, и снял шляпу. В его глазах стояли слезы, но лицо оставалось спокойным.

В этот момент Эмиль почувствовал странное единение со всеми людьми на площади – и с теми, кто стоял рядом, и с теми, чьи имена были высечены на камне. Словно невидимая нить протянулась через десятилетия, связывая их всех воедино.

Минута молчания закончилась, но Эмиль продолжал стоять неподвижно, глядя на пламя Вечного огня.

– Теперь я понимаю, почему нужно было прийти сюда, – тихо сказал он.

Год спустя Аскар Джумабаевич снова сидел на своей привычной скамейке у Вечного огня. Весна выдалась теплой, и день радовал ясным небом и легким ветерком. Старый учитель наблюдал за постепенно заполняющейся площадью, когда заметил знакомую фигуру.

Эмиль шел не один. Рядом с ним были еще трое молодых людей – парень и две девушки. Они о чем-то оживленно разговаривали, и Эмиль указывал им на различные части мемориала.

Заметив Аскара, Эмиль улыбнулся и направился к нему. Его друзья последовали за ним, с любопытством разглядывая пожилого человека.

– Здравствуйте, Аскар Джумабаевич, – Эмиль протянул руку. – Я надеялся вас здесь встретить.

– Здравствуй, Эмиль, – старик пожал протянутую руку. – Вижу, ты не один сегодня.

– Да, это мои однокурсники. Мы вместе готовим проект по истории права в военное время.

Аскар кивнул, разглядывая молодых людей. В их глазах не было того отстраненного непонимания, которое он видел у Эмиля год назад.

– Как твоё эссе? – спросил он. – То, которое ты писал в прошлом году.

– Получил высший балл, – Эмиль улыбнулся. – Но дело не в оценке. После нашего разговора я поехал к бабушке в деревню. Нашел старые письма деда с фронта, фотографии. Оказывается, у нас целый семейный архив, просто никто им не интересовался.

Один из друзей Эмиля, высокий парень в очках, добавил:

– Эмиль теперь всех замучил своими историями. Но знаете, это действительно интересно. Мой прадед тоже воевал, но я никогда особо не расспрашивал о нем.

Аскар Джумабаевич медленно поднялся со скамейки.

– Что ж, раз вы здесь с исследовательской целью, может, пройдемся? Я могу рассказать вам несколько историй о площади.

Молодые люди с готовностью согласились. Они двинулись по знакомому маршруту – мимо стел с именами, вдоль аллеи, к скульптуре женщины-матери.

Проходя мимо группы ветеранов, Эмиль вдруг остановился.

– Подождите минутку, – сказал он и подошел к пожилому мужчине с орденами на груди.

Аскар не слышал их разговора, но видел, как ветеран сначала удивился, а потом начал что-то рассказывать, оживленно жестикулируя. Эмиль внимательно слушал, иногда задавая вопросы.

Когда он вернулся, его глаза блестели.

– Он служил в той же дивизии, что и мой прадед, – тихо сказал Эмиль. – Не знал его лично, но помнит командира их батальона.

Аскар Джумабаевич улыбнулся. Он смотрел на молодых людей и видел в них продолжение той невидимой нити, которая связывает поколения. Не парадные речи и официальные церемонии, а эти простые человеческие связи – вот что по-настоящему сохраняет память.

Они дошли до Вечного огня и остановились. Пламя колебалось на ветру, но не гасло – как и память, которую оно символизировало.

– В следующем году приходите снова, – сказал Аскар Джумабаевич. – Я буду здесь.

Справка об объекте

Площадь Победы, Кыргызская Республика, г. Бишкек

В годы Великой Отечественной войны на фронт были призваны свыше 360 тысяч кыргызов, то есть каждый четвертый гражданин. Сто тысяч из них так и не вернулись домой, отдав свои жизни ради победы над нацизмом. Площадь Победы в Бишкеке – это дань памяти каждому, кто сделал свой вклад в приближение заветного дня. Центр композиции – это арочный мемориал с Вечным огнем в центре и скульптурой женщины-матери рядом. Ее взгляд направлен вдаль, а мысли заполнены переживаниями о муже и сыновьях, сражающихся на фронте. На площади Победы установлены и другие скульптуры, а также множество памятных стел

с именами павших. Ежегодно 22 июня и 9 мая у монумента проводятся памятные мероприятия, посвященные подвигу предков.

Источник: https://dzen.ru/a/ZHc_L-aa2VwhIm1I



Скамейка историй Кристина Фрай

Салима Асановна всегда приходила на бульвар Эркиндик первой. Еще до того, как дворники заканчивали подметать дорожки, до того, как мамы с колясками начинали свои утренние прогулки, до того, как студенты с рюкзаками спешили на занятия через тенистые аллеи. В свои семьдесят восемь она двигалась медленнее, чем раньше, но неизменно выходила из дома в шесть утра, опираясь на резную трость, подаренную покойным мужем на золотую свадьбу. Ее путь всегда был одним и тем же – мимо старого книжного магазина, через маленькую площадь с фонтаном, который еще не включали в такую рань, и прямо к третьей скамейке от начала бульвара, под раскидистым дубом, посаженным, если верить городским легендам, еще в начале прошлого века.

– Доброе утро, старый друг, – тихо говорила она, касаясь шершавой коры дерева кончиками пальцев. Эта скамейка и этот дуб были для Салимы чем-то большим, чем просто привычным местом отдыха. Здесь, под этими ветвями, шестьдесят лет назад молодой студент политехнического института Нурлан Асанов впервые заговорил с ней, тогда еще студенткой педагогического. Здесь она кормила голубей с маленькой дочерью Гульнарой. Здесь она плакала, получив известие о смерти матери. Здесь же, много лет спустя, она сидела с внуками, рассказывая им истории своей молодости.

Салима работала смотрительницей в небольшой художественной галерее, расположенной в конце бульвара. Работа была не слишком обременительной – следить за чистотой, продавать билеты, иногда проводить короткие экскурсии для школьников. Главное – она позволяла каждый день бывать рядом с бульваром, который за долгую жизнь стал для нее чем-то вроде живого существа, меняющегося, но неизменного в своей сути. Она помнила, как выглядел Эркиндик (тогда еще Дзержинского) в пятидесятые, когда деревья были моложе, а скамейки – деревянными, с узорчатыми чугунными ножками. Помнила, как в семидесятые установили новые фонари и проложили плиточные дорожки. Как в девяностые бульвар переименовали, а в нулевые обновили детскую площадку. Все эти изменения накладывались в ее памяти друг на друга, как слои краски на старой картине, создавая объемный, живой образ места, которое было свидетелем всей ее жизни.

В галерею Салима обычно приходила к девяти, когда бульвар уже наполнялся людьми и звуками. Но эти три утренних часа на скамейке под дубом были только ее – время, когда она могла посидеть в тишине, послушать шелест листвы и щебет птиц, понаблюдать, как просыпается город, и вспомнить все те истории, которые хранил в себе старый бульвар Эркиндик.

В то утро Салима пришла на свою скамейку как обычно, в начале седьмого. Май выдался теплым, и дуб уже оделся в свежую листву, отбрасывая на дорожку кружевную тень. Она достала из сумки потрепанный томик Чингиза Айтматова – перечитывала «Джамилю» уже, наверное, в двадцатый раз – и вдруг заметила на скамейке небольшой блокнот в потертой кожаной обложке. Салима огляделась – бульвар был пуст, только вдалеке дворник заканчивал подметать центральную аллею. Она осторожно взяла блокнот и открыла первую страницу. Там не было ни имени, ни адреса, ни телефона – только рисунок: тот самый дуб, под которым она сидела, изображенный несколькими точными, уверенными штрихами.

Перелистнув страницу, она увидела еще один рисунок – фонтан в начале бульвара, окруженный играющими детьми. Следующая страница – пожилая пара на скамейке, держащаяся за руки. Дальше – уличный музыкант с гитарой, студентка, читающая книгу, продавец мороженого... Весь блокнот был заполнен зарисовками бульвара и его посетителей, выполненными с удивительным вниманием к деталям и какой-то особой теплотой. На последней заполненной

странице Салима увидела рисунок, от которого у нее перехватило дыхание – пожилая женщина на скамейке под дубом, с книгой в руках и задумчивым выражением лица. Она узнала себя, хотя никогда не позировала для портрета. Художник наблюдал за ней, возможно, не один день, подмечая детали – морщинки вокруг глаз, привычку поправлять выбившуюся из прически прядь, характерный наклон головы при чтении.

– Кто же ты? – прошептала Салима, бережно закрывая блокнот. Она решила, что обязательно должна найти владельца и вернуть ему пропажу. Такой талант не должен остаться безымянным.

Положив блокнот в сумку, Салима направилась в галерею, размышляя, как лучше организовать поиски.

В тот день посетителей было немного – пара иностранных туристов да школьный класс на экскурсии. Салима работала рассеянна, то и дело возвращаясь мыслями к найденному блокноту. После обеда она решила повесить объявление о находке на входе в галерею и у начала бульвара. Вечером, возвращаясь домой, Салима снова присела на свою скамейку. Бульвар был оживлен – после рабочего дня многие горожане выбрались на прогулку, наслаждаясь теплой погодой. На соседней скамейке устроился молодой человек в потертой джинсовой куртке и с большой сумкой курьерской службы. Он достал из бумажного пакета лепешку и бутылку айрана, явно собираясь поужинать. Салима украдкой разглядывала его, гадая, не он ли автор рисунков. Но парень не был похож на художника – скорее на студента, подрабатывающего доставкой. Он быстро ел, поглядывая на часы, словно спешил куда-то.

– Простите, – решила наконец Салима, – вы случайно не теряли блокнот с рисунками?

Парень удивленно посмотрел на нее:

– Нет, эже. Я вообще рисовать не умею, даже в детском саду с этим проблемы были, – он улыбнулся, и его лицо сразу стало моложе и открытее. – А вы нашли чей-то блокнот?

– Да, сегодня утром, на этой самой скамейке, – кивнула Салима. – Там такие чудесные рисунки бульвара... Хотела вернуть владельцу.

– Можно взглянуть? – неожиданно заинтересовался парень. – Я каждый день здесь обедаю, может, узнаю чей.

Салима помедлила, но потом достала блокнот из сумки и протянула ему:

– Только осторожно, пожалуйста.

– Меня, кстати, Бакыт зовут, – представился парень, бережно принимая блокнот.

– Салима Асановна, – кивнула она в ответ.

Бакыт начал листать страницы, и его лицо постепенно менялось – от простого любопытства к искреннему восхищению.

– Ничего себе! – выдохнул он. – Как живые! Смотрите, это же тот старик, который играет на комузе по выходным. А это продавщица мороженого с площади... А это... – он запнулся, дойдя до рисунка с Салимой. – Это же вы!

С того дня Салима и Бакыт стали встречаться на бульваре почти ежедневно. Он приезжал на обед между доставками, а она специально задерживалась после работы. Их разделяло больше полувека разницы в возрасте, но объединял интерес к таинственному художнику и его блокноту.

– Я расспросил всех, кого знаю в округе, – сказал Бакыт через неделю после их знакомства, разворачивая лепешку с сыром. – Никто не знает художника, который рисует на бульваре.

– Может, это приезжий? – предположила Салима, наблюдая, как стайка воробьев дерется за крошки у их ног. – Турист или студент по обмену?

– Не думаю, – покачал головой Бакыт. – Посмотрите на детали в рисунках. Человек, который их нарисовал, знает бульвар как свои пять пальцев. Видит то, что не заметит случайный прохожий.

Салима кивнула. Она и сама обратила внимание, что художник изображал не только внешний вид бульвара, но и его характер, его душу – то, что могло открыться только внимательному и постоянному наблюдателю.

– А вы давно здесь живете, эже? – спросил Бакыт, вытирая руки бумажной салфеткой.

– Всю жизнь, – улыбнулась Салима. – Родилась в двух кварталах отсюда, когда Бишкек еще назывался Фрунзе. Помню, как выглядел бульвар, когда деревья были молодыми.

– Расскажите, – неожиданно попросил Бакыт. – Мне интересно, каким он был раньше.

И Салима начала рассказывать. О том, как в пятидесятые годы на бульваре играл духовой оркестр по выходным и молодежь танцевала на маленькой площадке у фонтана. О том, как в шестидесятые здесь собирались студенты, читали стихи и спорили о политике. О том, как в семидесятые на бульваре установили первые скульптуры, а в восьмидесятые – открыли летнее кафе с мороженым, где продавали знаменитый пломбир в вафельных стаканчиках.

Бакыт слушал, затаив дыхание. Для него, родившегося уже в независимом Кыргызстане, эти истории были окном в другой мир, который он знал только по рассказам родителей и старым фотографиям.

– А вы? – спросила Салима, когда закончила свой рассказ. – Чем вы занимаетесь, кроме доставки?

Бакыт смутился:

– Да ничем особенным. Курьером работаю временно, пока ищу что-то по специальности. Я филолог по образованию.

– Филолог? – удивилась Салима. – И что же вы хотите делать с этим образованием?

– Писать, – просто ответил он. – Всегда мечтал стать писателем. Но пока только наброски в стол, ничего серьезного.

– О чем пишете?

– О людях, – Бакыт пожал плечами. – О городе. О том, что вижу каждый день, развозя заказы. Знаете, когда ты курьер, ты как будто становишься невидимкой. Люди не замечают тебя, говорят и делают то, что обычно скрывают от посторонних. Я вижу город таким, какой он есть на самом деле, без прикрас.

Салима внимательно посмотрела на молодого человека. За неказистой внешностью и простой работой скрывался наблюдательный ум и чуткая душа.

– Покажете мне когда-нибудь свои рассказы? – спросила она.

– Если хотите, – кивнул Бакыт. – Только они не очень хорошие.

– Я буду честной, – пообещала Салима.

Их встречи стали регулярными. Салима рассказывала истории о прошлом бульвара и города, а Бакыт делился наблюдениями о современном Бишкеке. Иногда они просто сидели молча, наблюдая за прохожими и гадая, кем мог быть таинственный художник.

Однажды Бакыт принес распечатанные листы со своими рассказами. Салима прочитала их дома, вечером, и была удивлена глубиной и точностью наблюдений молодого человека. Он писал о городе так, словно видел его насквозь – со всеми радостями и горестями, надеждами и разочарованиями его жителей.

– У вас настоящий талант, – сказала она при следующей встрече. – Вам нужно публиковаться.

– Кому это интересно? – отмахнулся Бакыт. – Сейчас все читают фэнтези или детективы. Кому нужны истории о реальных людях?

– Тем, кто хочет понять жизнь, а не убежать от нее, – твердо ответила Салима. – Не прячьте свой дар, Бакыт. Это все равно что спрятать солнце под одеялом – все равно будет светить.

Бакыт смущенно улыбнулся, но было видно, что слова пожилой женщины тронули его.

Так прошел месяц. Они продолжали встречаться и разговаривать, но владелец блокнота так и не объявился, несмотря на развешенные объявления. Бульвар тем временем готовился к празднованию своего 140-летия – устанавливали дополнительное освещение, красили скамейки, готовили сцену для концерта.

– Завтра большой день, – сказал Бакыт накануне праздника. – Может быть, наш таинственный художник появится на торжествах? Будет рисовать праздничную толпу.

– Может быть, – кивнула Салима. – Я приду пораньше, займу нашу скамейку. Вдруг повезет.

Она не знала, что следующий день изменит их жизни самым неожиданным образом.

День 140-летия бульвара Эркиндик выдался по-летнему жарким. Салима пришла на свою скамейку раньше обычного, в пять утра, когда первые лучи солнца только начинали пробиваться сквозь листву дубов. Она хотела застать бульвар в тишине, до того как начнутся праздничные мероприятия, до того как толпы людей заполнят аллеи. Но скамейка уже была занята. На ней сидела молодая женщина с альбомом на коленях и карандашом в руке. Она быстро делала наброски просыпающегося бульвара – дворника, подметающего дорожки, первых птиц, копошащихся в траве, дальних силуэтов гор, видневшихся в утренней дымке. Салима замерла, боясь спугнуть незнакомку. Неужели это и есть их таинственный художник? Она осторожно подошла ближе и увидела, что альбом женщины очень похож на найденный блокнот – та же потерянная кожаная обложка, тот же формат.

– Доброе утро, – тихо сказала Салима. – Не помешаю?

Женщина подняла голову, и Салима увидела молодое лицо с выразительными карими глазами и короткой стрижкой. На вид ей было около тридцати.

– Нет, что вы, – улыбнулась незнакомка. – Я уже заканчиваю. Просто хотела поймать бульвар в его самом тихом состоянии, до праздника.

– Вы... – Салима запнулась, не зная, как спросить. – Вы часто здесь рисуете?

– Довольно часто, – кивнула женщина. – Это мое любимое место в городе. Столько разных людей, столько историй...

Сердце Салимы забилось быстрее. Она открыла сумку и достала блокнот:

– Это случайно не ваше?

Глаза женщины расширились от удивления:

– Мой блокнот! Я потеряла его месяц назад и уже не надеялась найти. Где вы...?

– Здесь, на этой скамейке, – ответила Салима. – Я приходила каждый день, надеясь встретить вас.

– Не могу поверить, – женщина бережно взяла блокнот, пролиставла страницы, словно встречая старых друзей. – Я так расстроилась, когда потеряла его. Здесь наброски для моего проекта.

– Какого проекта? – спросила Салима, присаживаясь рядом.

– Я иллюстратор, – представилась женщина. – Меня зовут Айгуль. Я работаю над серией рисунков «Лица Бишкека» – о людях и местах нашего города. Бульвар Эркиндик – одна из главных локаций.

– Очень приятно, Айгуль, – улыбнулась Салима. – Я Салима Асановна. И я, кажется, на одном из ваших рисунков.

Айгуль смущенно кивнула:

– Да, простите, что рисовала без разрешения. Вы так гармонично вписывались в пейзаж бульвара, словно были его частью. Я не могла устоять.

– Ничего страшного, – махнула рукой Салима. – Я даже польщена. Знаете, за этот месяц ваш блокнот изменил мою жизнь.

И она рассказала Айгуль о своей дружбе с Бакытом, о том, как они вместе искали владельца блокнота, о разговорах и историях, которыми они делились.

– Он должен скоро прийти, – закончила Салима. – Обычно он обедает здесь между доставками.

– С удовольствием познакомлюсь с ним, – сказала Айгуль. – И спасибо, что сохранили мой блокнот. Он очень важен для меня.

К полудню бульвар заполнился людьми. Играла музыка, работали торговые палатки, на главной сцене выступали фольклорные коллективы. Салима и Айгуль сидели на скамейке, наблюдая за праздником. Айгуль продолжала рисовать, быстро схватывая яркие моменты – детей с воздушными шарами, танцоров в национальных костюмах, музыкантов с комузами.

– Вот и вы! – раздался знакомый голос.

Бакыт, запыхавшийся и с растрепанными волосами, протискивался сквозь толпу к их скамейке.

– Еле нашел вас в этом столпотворении.

– Бакыт, познакомься, – Салима указала на свою новую знакомую. – Это Айгуль, наш таинственный художник.

– Серьезно? – Бакыт уставился на молодую женщину с нескрываемым восхищением. – Мы так долго вас искали! Ваши рисунки просто потрясающие.

– Спасибо, – улыбнулась Айгуль. – Салима рассказала мне о вас. Говорит, вы пишете рассказы о городе?

Бакыт смутился:

– Так, наброски в основном. Ничего особенного.

– Не слушайте его, – вмешалась Салима. – У него настоящий талант. Он видит людей насквозь.

– Правда? – заинтересовалась Айгуль. – Знаете, я как раз искала писателя для совместного проекта. Хочу сделать книгу о Бишкеке – с иллюстрациями и текстами. Что-то вроде портрета города через истории его жителей.

Бакыт недоверчиво посмотрел на нее:

– Вы серьезно? Но вы даже не читали мои тексты.

– Я доверяю мнению Салимы Асановны, – просто ответила Айгуль. – И потом, я вижу, как вы смотрите на людей – так же, как я, ищите истории за внешностью.

Бакыт растерянно перевел взгляд с Айгуль на Салиму:

– Я... не знаю, что сказать.

– Скажите «да», – улыбнулась Салима. – И покажите Айгуль свои рассказы. А еще лучше – расскажите ей истории о бульваре, которые я вам рассказывала. Они должны быть в вашей книге.

– Какие истории? – заинтересовалась Айгуль.

– О, Салима Асановна – настоящая хроника бульвара, – оживился Бакыт. – Она помнит его с пятидесятых годов. Знает столько всего, чего нет ни в одном путеводителе.

– Это правда? – Айгуль повернулась к пожилой женщине. – Вы могли бы поделиться своими воспоминаниями? Это было бы бесценно для проекта.

Салима почувствовала, как к глазам подступают слезы. Всю жизнь она хранила истории бульвара в своей памяти, не думая, что они могут быть кому-то интересны, кроме нее самой. А теперь эти двое молодых людей смотрели на нее так, словно она владела сокровищем.

– Конечно, – кивнула она. – Я расскажу все, что помню.

В этот момент на сцене объявили минуту молчания в память о тех, кто сажал первые деревья на бульваре 140 лет назад. Музыка стихла, и на мгновение толпа замерла. В этой неожиданной тишине Салима вдруг отчетливо услышала шелест листвы над головой – словно старые дубы тоже хотели рассказать свои истории, поделиться тем, что видели за долгую жизнь. Она

посмотрела на Бакыта и Айгуль, сидящих рядом с ней на скамейке, и поняла, что нашла идеальных хранителей для своих воспоминаний – тех, кто сможет превратить их в нечто большее, чем просто рассказы старой женщины. В нечто, что останется и после того, как последние свидетели прошлого бульвара уйдут.

Год пролетел незаметно. Салима сидела на своей скамейке под дубом, держа в руках только что изданную книгу «Бишкек: прошлое в настоящем». На обложке – рисунок Айгуль: бульвар Эркиндик, увиденный словно сквозь дымку времени, где современные прохожие с телефонами соседствуют с фигурами из прошлого – дамами в длинных платьях, офицерами в фуражках, пионерами с горнами. Салима бережно перелистывала страницы.

Каждый разворот – история, рассказанная ею, записанная Бакытом и проиллюстрированная Айгуль. История о первых тополях, посаженных ботаником Фетисовым. О замене их на дубы в начале XX века. О том, как во время войны на бульваре раздавали хлеб по карточкам. О послевоенных танцах под духовой оркестр. О студенческих демонстрациях шестидесятых. О тихих восьмидесятых и бурных девяностых, когда бульвар получил свое нынешнее имя – Эркиндик, Свобода.

Но книга не ограничивалась прошлым. Бакыт добавил истории современного Бишкека – о курьере, который развозит еду и мечтает стать писателем; о студентке, которая каждый день читает на одной и той же скамейке, готовясь к экзаменам; о пожилом музыканте, играющем на комузе для туристов; о молодой паре, которая назначает свидания у фонтана. Айгуль не просто проиллюстрировала эти истории – она создала визуальную летопись бульвара, где каждый рисунок был окном в определенную эпоху, но при этом все они складывались в единое полотно, показывая непрерывность жизни этого места.

– Нравится? – Бакыт присел рядом с Салимой, улыбаясь. За этот год он изменился – стал увереннее, перестал сутулиться. Работу курьера он не бросил, но теперь совмещал ее с должностью редактора в небольшом издательстве, которое выпустило их книгу.

– Очень, – кивнула Салима. – Даже не верится, что мои воспоминания стали частью чего-то такого... настоящего.

– Без вас ничего бы не получилось, – Бакыт пожал ее руку. – Вы – душа этой книги.

– Преувеличиваете, молодой человек, – проворчала Салима, но было видно, что ей приятно.

– Нисколько, – раздался голос Айгуль, подходившей к ним с подносом, на котором стояли три чашки чая и тарелка с самсой. – Мы с Бакытом только записали и нарисовали то, что вы хранили все эти годы.

Айгуль тоже изменилась за этот год. Ее рисунки заметили, она получила несколько заказов на иллюстрации для других книг и журналов. Но главное – она нашла свой стиль, свой голос в искусстве, и во многом благодаря историям Салимы, открывшим ей новый взгляд на город, в котором она выросла.

– Как продажи? – спросила Салима, принимая чашку чая.

– Лучше, чем мы ожидали, – ответил Бакыт. – Уже допечатываем тираж. Оказалось, людям интересна история их города, рассказанная через личные воспоминания.

– И что дальше? – Салима отпила чай, наблюдая за прохожими.

День был будний, но на бульваре все равно было много людей – кто-то спешил по делам, кто-то просто прогуливался, наслаждаясь хорошей погодой.

– У нас есть идея, – переглянулись Бакыт и Айгуль. – Мы хотим сделать серию книг о разных районах Бишкека. Следующей будет книга о старом городе.

– И мы надеемся, что вы снова нам поможете, – добавила Айгуль. – Наверняка у вас есть истории и о других местах.

Салима задумалась. Конечно, у нее были истории – о старом базаре, о площади Ала-Тоо, о парке Панфилова. Вся ее долгая жизнь была связана с этим городом, и каждый его уголок хранил какие-то воспоминания.

– Помогу, если смогу, – кивнула она. – Но вам нужно поговорить и с другими старожилами. У каждого свой Бишкек, свои истории.

– Мы уже начали, – сказал Бакыт. – После выхода книги к нам обратились несколько человек, которые хотят поделиться воспоминаниями. Один мужчина даже принес старые фотографии базара шестидесятых годов.

– А еще мы думаем создать интерактивную карту города, – воодушевленно продолжила Айгуль. – Чтобы люди могли не только читать истории, но и находить эти места, видеть, как они выглядели раньше и как выглядят сейчас.

Салима слушала их, и ее сердце наполнялось теплом. Эти молодые люди, такие разные, но одинаково талантливые и увлеченные, нашли друг друга благодаря случайно забытому блоку. И теперь они вместе делали то, о чем она даже не мечтала, – сохраняли память города, превращая обрывки воспоминаний в нечто цельное и значимое.

– Знаете, – сказала она, глядя на дуб над головой, – когда я была маленькой, моя бабушка говорила, что у каждого дерева есть душа. И что старые деревья помнят все, что видели за свою жизнь. Я часто думала – каково это, помнить столько всего? Не тяжело ли? Теперь я понимаю – не тяжело, если есть кому рассказать, кому передать эти воспоминания.

Бакыт и Айгуль молча слушали, понимая, что Салима говорит не только о деревьях.

– Спасибо вам, – продолжила пожилая женщина. – За то, что слушали. За то, что сделали мои истории частью чего-то большего.

– Это вам спасибо, – тихо ответила Айгуль. – За то, что сохранили эти истории для нас.

Они сидели на скамейке под старым дубом – пожилая женщина и двое молодых людей, связанные теперь не только общим проектом, но и чем-то более глубоким – пониманием того, что прошлое и настоящее неразрывно связаны, что истории не умирают, пока есть кому их рассказывать и слушать.

Мимо проходили люди – спешащие, озабоченные, погруженные в свои мысли. Большинство даже не замечало трех человек на скамейке. Но некоторые замедляли шаг, узнавая авторов книги, которая за короткое время стала локальным бестселлером. Кто-то подходил, чтобы поблагодарить или поделиться своей историей о бульваре. А дуб шелестел листвой над их головами, словно тоже хотел что-то рассказать.

И Салима думала о том, что, может быть, когда-нибудь, много лет спустя, кто-то другой будет сидеть на этой скамейке и рассказывать истории о начале XXI века, о пожилой смотрительнице галереи, молодом писателе и талантливой художнице, которые вместе создали книгу о бульваре Эркиндик. И эта мысль наполняла ее сердце покоем и радостью.

Справка об объекте

**Бульвар Эркиндик,
Кыргызская Республика, г. Бишкек**

Одна из достопримечательностей центра Бишкека – это живописный и вечнозеленый бульвар Эркиндик, ведущий свою историю с 1883 года. Тогда известный русский ботаник А. М. Фетисов заложил здесь аллею, вдоль которой высадил два ряда серебристых тополей. В начале XX века деревья выкорчевали и заменили дубами, частично сохранившимися по сей день. Бульвар Эркиндик менялся на протяжении всей 140-летней истории, а нынешний вид, по большей части, приобрел под конец XX века. Современное название появилось в 1991 году

после распада СССР и обретения Кыргызстаном независимости: эркиндик в переводе с киргизского означает «свобода».

Источник: <https://eurasia.travel/ru/kyrgyzstan/bishkek/erkindik-boulevard/>



Зеленый островок

Светлана Ярунина

Гульнара поставила последнюю коробку на пол и выпрямилась, потирая поясницу. Новая квартира казалась чужой и неудобной – голые стены, пустые углы, запах свежей краски. Через открытое окно доносился шум проспекта – гудки машин, обрывки разговоров, музыка из проезжающих маршруток. Бишкек встречал их городской суетой, такой непривычной после тишины родного села.

– Айдай, ты где? – позвала Гульнара, выглядывая в коридор.

Дочь обнаружилась в своей комнате. Она сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела во двор, где группа незнакомых детей играла в футбол.

– Может, пойдешь познакомиться? – предложила Гульнара, присаживаясь рядом.

Айдай покачала головой:

– Не хочу.

Гульнара вздохнула. С тех пор как они переехали в Бишкек две недели назад, дочь словно замкнулась в себе. В новой школе она держалась особняком, а дома часами сидела, уткнувшись в планшет.

– Знаешь, – Гульнара попыталась придать голосу бодрость, – когда разберем вещи, будет уютнее. И в школе появятся друзья, вот увидишь.

– Угу, – безразлично отозвалась Айдай, не отрывая взгляда от окна.

Гульнара посмотрела на часы – скоро шесть, а она еще не начала готовить ужин. День пролетел в хлопотах: утром работа (новая должность бухгалтера в торговой компании требовала полной отдачи), потом беготня по магазинам, теперь разбор вещей... Усталость навалилась внезапно, захотелось просто сесть и закрыть глаза.

Но нельзя. Нужно быть сильной – ради Айдай, ради их будущего. После развода с мужем два года назад Гульнара поклялась себе, что сделает все, чтобы дочь ни в чем не нуждалась. Переезд в Бишкек был частью этого плана – в столице больше возможностей, лучше образование, перспективнее работа.

Вот только Айдай, кажется, не оценила этих перспектив. Она тосковала по бабушке, оставшейся в селе, по старым друзьям, по привычному укладу жизни. В новой школе ее дразнили за деревенский акцент, а учителя были строже и требовательнее.

– Мам, а там что? – вдруг спросила Айдай, указывая куда-то вдаль.

Гульнара подошла ближе. За крышами соседних домов виднелась полоса зелени.

– Кажется, это парк, – сказала она, вспоминая карту района. – Да, точно, парк Победы имени Даира Асанова. Он совсем рядом, буквально в двух кварталах.

– А мы туда пойдем? – в голосе дочери впервые за долгое время мелькнул интерес.

– Конечно, – пообещала Гульнара. – Как только устроимся.

Но дни летели один за другим, заполненные работой, учебой, бытовыми заботами. До парка все никак не доходили руки. Айдай снова замкнулась, а Гульнара слишком уставала, чтобы заметить, как потух интерес в глазах дочери. Зеленый островок за окном оставался недостижимым миражом среди бетонных джунглей их новой жизни.

Субботнее утро выдалось на удивление тихим. Гульнара проснулась от солнечного луча, пробившегося сквозь неплотно задернутые шторы. Впервые за две недели ей не нужно было никуда спешить – ни на работу, ни по делам. Она потянулась, наслаждаясь редким моментом покоя.

Из комнаты Айдай не доносилось ни звука. Гульнара заглянула туда и увидела дочь, сидящую на кровати с планшетом в руках. Темные круги под глазами девочки выдавали бессонную ночь.

– Ты всю ночь не спала? – спросила Гульнара, присаживаясь рядом.

Айдай пожала плечами:

– Не хотелось.

Гульнара заглянула в экран – какая-то игра с яркими персонажами.

– Может, позавтракаем и погуляем? – предложила она. – День такой хороший.

– Не хочу, – буркнула Айдай, не отрываясь от игры.

Гульнара вздохнула и пошла на кухню готовить завтрак. Разбирая продукты, она случайно уронила пакет с мукой. Белое облако взметнулось вверх, оседая на полу, на столе, на ее одежде. Гульнара застыла, глядя на этот беспорядок, и вдруг почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Такая мелочь, а она готова расплакаться.

– Мам, что случилось? – Айдай появилась в дверях кухни.

Гульнара быстро вытерла глаза:

– Ничего, просто неуклюжая.

Айдай молча взяла тряпку и начала вытирать рассыпанную муку. Они убирались вместе, и постепенно напряжение, висевшее между ними, начало таять.

– Знаешь что, – решительно сказала Гульнара, когда с мукой было покончено, – давай все-таки сходим в тот парк. Помнишь, ты спрашивала?

– Сейчас? – Айдай подняла брови.

– А почему нет? Позавтракаем и пойдем.

К удивлению Гульнары, Айдай не стала спорить. Она даже переделась в свою любимую футболку с единорогом – маленький знак, что дочь все-таки ждет от прогулки чего-то хорошего.

Парк Победы встретил их прохладой и тенью раскидистых деревьев. После шумных улиц здесь казалось удивительно спокойно. Широкие аллеи, усыпанные гравием дорожки, аккуратные скамейки – все располагало к неспешной прогулке.

– Смотри, как красиво, – сказала Гульнара, указывая на клумбу с яркими цветами.

Айдай кивнула, но без особого энтузиазма. Они медленно шли по центральной аллее, когда вдруг услышали звуки музыки. Откуда-то доносились мелодичные переливы комуза и веселые голоса.

– Что там? – заинтересовалась Айдай.

Они свернули на боковую дорожку и вскоре вышли на небольшую площадку, где собралась пестрая толпа. Разноцветные палатки, столики с поделками, художники с мольбертами – здесь явно проходило какое-то мероприятие.

– Фестиваль семейного творчества «Наследие», – прочитала Гульнара на баннере. – Надо же, повезло нам.

Айдай с любопытством разглядывала происходящее. Особенно ее внимание привлек пожилой мужчина, сидевший под раскидистым деревом с мольбертом. Вокруг него собрались дети, которые с увлечением что-то рисовали.

– Хочешь посмотреть? – спросила Гульнара, заметив интерес дочери.

Айдай неуверенно кивнула. Они подошли ближе. Седобородый мужчина в традиционном калпаке показывал детям, как рисовать акварелью горный пейзаж.

– Присоединяйтесь, – улыбнулся он, заметив их. – Я Искендер-ага, провожу мастер-класс по акварели. Для всех желающих, бесплатно.

– Я не умею, – тихо сказала Айдай.

– Никто не умеет, пока не попробует, – подмигнул старик. – Садись, кызым, я покажу.

К удивлению Гульнары, Айдай не отказалась. Она робко присела на свободный стульчик, взяла предложенную кисть и под руководством Искендера-аги начала наносить первые мазки на бумагу.

Гульнара отошла в сторонку, наблюдая за дочерью. Впервые за долгое время она видела, как лицо Айдай озаряется интересом, как напряженные плечи расслабляются, как в глазах появляется блеск.

– Ваша дочь? – раздался рядом женский голос.

Гульнара обернулась. Рядом стояла элегантная женщина средних лет с бейджиком «Жамиля Кадырова, директор культурного центра».

– Да, – кивнула Гульнара. – Мы недавно переехали в этот район.

– Добро пожаловать, – улыбнулась Жамиля. – Наш фестиваль проходит каждые выходные все лето. Приходите еще.

Воскресные мастер-классы в парке стали для Айдай настоящим спасением. Каждую неделю она с нетерпением ждала встречи с Искендером-агой и возможности погрузиться в мир красок и линий. Гульнара не могла нарадоваться переменам в дочери – Айдай словно оттаивала, становилась более открытой, чаще улыбалась.

– Мам, смотри, что я сегодня нарисовала! – Айдай протянула лист бумаги, где акварельными красками был изображен памятник в центре парка.

– Очень красиво, – искренне похвалила Гульнара. – Ты так быстро учишься.

– Искендер-ага говорит, что у меня есть чутье цвета, – с гордостью сообщила Айдай. – Он сказал, что в следующий раз научит меня рисовать портреты.

Гульнара улыбнулась, вспоминая пожилого художника с добрыми глазами и спокойным голосом. Он относился к детям с удивительным уважением – не сюсюкал, не упрощал, говорил с ними как с равными. Может быть, именно это и привлекало Айдай.

В парке девочка познакомилась с другими детьми, которые тоже увлекались рисованием. Особенно она сдружилась с Бегимай, бойкой девчужкой с косичками, которая жила в соседнем доме и ходила в ту же школу, только в параллельный класс.

– Можно Бегимай придет к нам в гости? – спросила как-то Айдай.

– Конечно, – обрадовалась Гульнара. – Когда?

– Может, в субботу? Мы хотим вместе подготовиться к следующему мастер-классу. Искендер-ага задал нам нарисовать что-нибудь по памяти.

Гульнара тоже стала чаще бывать в парке. Пока Айдай занималась с Искендером-агой, она обычно сидела неподалеку на скамейке с книгой или просто наблюдала за происходящим. Постепенно она познакомилась с другими родителями и с организаторами фестиваля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.